

Василий Смирнов

Город Архангельск
в начале 30-х годов XX столетия
(Из записок ссыльного краеведа)

Второе издание

doikov.livejournal.com.ru

www.doykov.1mcg.ru

Архангельск

2012

ББК 63.3(2Рос-4Арх)
С 50

Смирнов, Василий Иванович (1882–1941)

Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия : (из записок ссыльного краеведа) / В. И. Смирнов ; [публ., предисл. Ю. В. Дойкова]. – 2-е изд. – Архангельск, 2012. – 50 с.

Памяти Юрия Павловича Прокопьева
(4.05.1930, Архангельск – 31.12.2010, Там же)

«Город Архангельск...» В. И. СМЕРНОВА*

(к 20-летию первой публикации)

Последние десять лет жизни известный костромской краевед В. И. Смирнов провёл в ссылке в Архангельске.

26 мая 1931 года он прибыл с этапом на станцию Исакогорка. Некоторое время работал сезонным рабочим на Бакарице, станции Архангельск-пристань, но физическая работа для больного В. И. Смирнова была не под силу, и он был отпущен комендантом Исакогорки искать работу в городе.

В июле он был зачислен на работу в фотографию и закреплён за Архангельской комендатурой. Однажды на улице он встретил своего знакомого – тако-го же сосланного краеведа А. А. Золотарева (председателя Рыбинского научного общества), который работал корректором и снимал угол в Соломбале. С разрешения хозяйки дома В. И. Смирнов тоже поселился в этом углу. Когда осенью, вслед за мужем, приехала в ссылку жена В. И. Смирнова – Л. С. Китицына (1903–1990), то они нашли комнатку в той же Соломбале. 26 сентября 1931 года В. И. Смирнов поступил на работу в только что созданный Северный геолого-разведочный трест и проработал в нём научным сотрудником до самой смерти.

...30-е годы были «золотым веком» в истории архангельской ссылки и о нём, безусловно, будет написано немало. Достаточно сказать, что среди сосланных, с которыми познакомился здесь В. И. Смирнов, были: выдающийся хирург, профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (см. о нём книгу Марка Поповского *"Жизнь и житие Войно-Ясенецкого – архиепископа и хирурга."* (Париж, 1979); востоковед И. И. Умняков, директор зоологического музея АН СССР А. А. Бялыницкий-Бируля (член-корреспондент Российской АН), ленинградский скульптор А. С. Комелова, поэт и историк Борис Зубакин (см. *Борис Зубакин. Стихи и письма / вступ. статья, публикация писем и примеч. А. И. Немировского // Новый мир. – 1992. – № 7*) и многие другие. Интеллектуальный центр страны в то время переместился из Москвы и Ленинграда к нам, на Север.

В царское время политическим ссыльным принадлежала большая заслуга в развитии архангельского краеведения: В. Н. Трапезников, В. В. Бартенев, Н. Н. Суханов и многих других). Традиция эта шла ещё от ссыльных декабристов и народников. Продолжалась она и при большевиках. Конечно, ссыльному

* Сокращённое предисловие к первому изданию 1992 года.

В. И. Смирнову нечего было и думать о публикации своей работы об Архангельске. Попади рукопись в ГПУ, расстрел для автора был бы неминуем. Поэтому он снабдил её подзаголовком – "Из записок иностранца". Описание Архангельска относится к 1931–1932 годам, которые в советской историографии принято было называть временем "наступления социализма по всему фронту". Безусловно, органы не потерпели бы такой клеветы" на социалистическую действительность. Совершенно ясно, что в тех условиях В. И. Смирнов не мог писать об огромных потоках крестьян, которые ссылались во "всесоюзную пересылку" (по аналогии с клише официальной пропаганды: "Архангельск – всесоюзная лесопилка") называл народ наш город...

А. И. Солженицын писал в "Архипелаге ГУЛАГ":

«...архангелогородцам был отдан строгий приказ: СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАМ (так назывались – сосланные мужики) НЕ ПОМОГАТЬ. Бродили умирающие хлопкоробы по городу, но нельзя было ни единого в дом принять, накормить или за ворота вынести чаю: за то хватала местных жителей милиция и отбирала паспорта. Идёт-бредёт голодный по улице, споткнулся, упал – и мёртв. Хоронили их в порядке организованном, коммунальная служба. Без гробов, конечно, в общих ямах, рядом со старинным городским кладбищем по Вологодской улице – уже в открытом поле.

И памятных знаков не ставили».*

Поэтому, когда Василий Иванович Смирнов пишет, что

"В Архангельске под заборами, на мостовых на панелях, в трамваях и под трамваями – всюду лежат пьяные тела, раскиданы по канавам и в сугробах",

то, конечно, это вынужденный литературный приём – всюду лежали мёртвые переселенцы.

После прочтения этой работы для нас становится близкой личность её автора – русского интеллигента, который и в условиях ссылки, ПОД ПОСТОЯННОЙ угрозой нового ареста, продолжал делать своё дело – писать правду.

Лучшие люди в России, как и лучшие книги, всегда были лишними – и при царях, и при их преемниках. Так уже повелось.

Василий Иванович Смирнов родился 26 января (ст. ст.) 1882 года в с. Большая Брембола Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. Умер в Архангельске 22 октября 1941 года и был похоронен на Вологодском

* Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования / А. И. Солженицын ; под ред. Н. Д. Солженицыной. – М.: Вагриус, 2008. – Т. 3. – С. 362.

кладбище. Могила его не сохранилась.

Рукопись работы осталась незаконченной и прерывается на полуслове. Возможно, что где-то хранится и её продолжение (кто знает?).

О последних днях жизни В. И. Смирнова даёт представление письмо Л. С. Кितिцыной брату В. И. Смирнова – М. И. Смирнову и его жене:

"Дорогие Наталья Викторовна и Михаил Иванович!

Сообщаю вам о своём горе. Вчера – 22 октября в 11 часов утра умер Василий Иванович. Умер совершенно неожиданно. Был на службе, вечером ездил на лекцию по ПВХО, вернулся в 10 часов и в 11 часов лёг спать. Тут начались приступы нечеловеческой боли, изжога должно быть. Всю ночь он кричал. В 1 час ночи приезжала скорая помощь, но ничего не предприняла. Утром в 7 часов увезли в больницу. Там только в 9 часов осмотрел врач, а в 11 часов его не стало. Осталось много книг, с такой любовью собираемых, полный письменный стол рукописей, ящики писем, которым он придавал такое важное значение как историко-бытовым документам. Куда всё это, всё, что тщательно собиралось десятки лет? Неужели в печку?"

Одна из рукописей В. И. Смирнова, как видим, сохранилась, и читатель теперь имеет возможность её прочесть. Кроме того, мы публикуем целиком три письма В. И. Смирнова к брату, которые неплохо дополняют содержание "города Архангельска".

В письмах тоже невозможно было писать все прямо – цензура. Приходилось прибегать к эзоповскому языку. Так в письме от 20 апреля 1938 года В. И. Смирнов писал:

«Помнишь Шумского? Он тоже с запозданием, но разделил общую краеведческую участь».*

Официальная пропаганда трубила о новых успехах "социалистического строительства", о стахановцах-гагановцах и ударниках лесопиления, а из письма В. И. Смирнова от 30 апреля 1938 года мы узнаём о подлинной обстановке в Архангельске того времени:

"Приходиться пить до дна горькую чашу. Я часто говорю себе, видя окружающее, это ещё не худшее, что с нами случилось. Вот мать двух детей без куска хлеба, отец куда-то выслан и 6 месяцев нет известий... Вот старуха, которую никуда не берут на работу, муж – образованный человек – пилит дрова в концлагере где-то (без права переписки), вот наша бывшая хозяйка – муж кончил 5-летний срок и пропал (...). Я мог бы много привести

* И. В. Шумский – председатель Солигаличского отделения Костромского научного общества – был арестован и сослан в Караганду.

таких примеров только из судеб лиц, которых знаю. Мне надо, к сожалению, выжить для Танечки (3-х летняя дочь В. И. Смирнова – Ю. Д.) и Лидии Сергеевны, и я всеми силами барахтаюсь и цепляюсь”.

Письмо В. И. Смирнова от 9 июля 1936 г.:

“Каждый день приносит новые известия о кораблекрушениях, поэтому отраднo сознавать, что судьба дала нам некоторую передышку пока что...”.

16 ноября 1936 г.:

“Главное, впереди не видно никакого просвета. Сейчас учатся без книг, без тетрадей (пишут на обоях). Да что говорить?”

12 апреля 1939 г.:

“В Архангельске с продовольствием из рук вон плохо. Ни масла, ни маргарина нет в течение последних двух месяцев”.

19 апреля 1939 г.:

“Меня, однако, начинает пугать вопрос с питанием. К концу третьей пятилетки, конечно, и у нас будет изобилие продуктов. Но сейчас, за исключением хлеба, некоторых круп (пшеница не было весь год), ничего нет. Даже постное масло стало исчезать (...). Даже рыбы, которой, бывало в Архангельске некуда было девать, мы не видели и хвоста”.

16 августа 1939 г.:

“Отсутствие помидоров, яблок и даже ягод на рынке делают положение нестерпимым. В магазинах очереди за конфетами, сахар бывает очень редко и выстоять её невозможно, очереди в баню, парикмахерские. Никакой мануфактуры. Одним словом, с этих сторон невесело”.

2 сентября 1939 г.:

“Здесь с сахаром очень плохо. Бывают случаи, когда население выстаивается с ночи, в лучшем случае с 6 утра перед магазином”.

В том же письме В. И. Смирнов сообщает:

"Получил от Д. О. Святского* письмо. Недавно его опять было взяли и к ногтю за предсказание погоды".

20 сентября 1939 г.:

"Получил от Казаринова письмо. Четыре месяца он лежит не вставая. Плох очень. Полное оскудение и разорение. Плохо заканчивает краеведение свои последние страницы".**

25 января 1940 г.:

"Здесь без всяких существенных перемен. Часто гаснет электричество, часто не ходят трамваи, очереди за хлебом. Полное отсутствие масла, сахара, круп, спичек и т. д. Водки тоже нет и вообще ничего алкогольного. Но пока есть хлеб, горевать не приходится (...). Казаринов умер".

16 февраля 1940 г.:

"Вот уже несколько месяцев не продают спиртного, табаку и спичек. То, что удавалось лишь людям с сильной волей, в Архангельске достигнуто в массовом масштабе. Все трезвенники и немногие, запасшиеся табачком, ещё кое-где курят".

3 марта 1940 г.:

"Расстроила меня смерть Даниила Осиповича. Мария Фёдоровна (жена Д. О. Святского – Ю. Д.) пишет, что он умер 29 января 1940 г. накануне высылки из Актюбинска куда-то в степь за 70 километров.

Это его очень расстроило. Сердце не выдержало! Вымирает краеведение. Он-то, бедняга, мечтал о разных работах, которые при других обстоятельствах увидели бы свет и сделали бы ему имя. Ну, что делать, скоро все там будем (...). С трудом добываем хлеб (...).

Какая-то закономерность в этой товарной депрессии. 20-й год (наследие буржуазного хозяйства). 30-й год (вредительство?). 40-й?

Со страхом думаю о весне. (...)

Завоевание Финляндии нам пока не принесло облегчения".

* Святский Даниил Осипович – астроном, историк науки, автор многих работ, находился в ссылке в Актюбинске.

** Казаринов Леонид Николаевич (1871–1940) – краевед из Чухломы. Арестован и сослан в 1931 году в Кичмен[гско-Городец]кий район Северного края.

13 мая 1940 г.:

"Все помыслы сосредоточены на борьбе за существование. Очереди, как система, вошли в нашу жизнь. За сахаром я стоял номером 9113-м. Один раз за несколько месяцев я выстоял 200 гр. масла. Давно позабыл вкус колбасы и рыбы".

28 мая 1940 г.:

"Не дай бог сейчас хворать. Здесь тяжело больным в больницах, не дают хлеба. Нет медикаментов. Нет перевязочных средств. Попасть к доктору непростое дело. Очень много мрёт народа, потому что самый организм благодаря недоеданию подточен (...). Бывает, дают белый хлеб, но мне ни разу не посчастливилось купить. В очередях безобразие, драки (...). Кругом никакой милиции. Одним словом, даже очереди не можем организовать. Когда подумаешь, сколько часов теряет население в общей сложности, сколько народа простудится – становится страшно. А погода холодная".

20 апреля 1940 г.:

"... Сегодня, например, заняв место под № 566 в 12 часов, около 5 часов вечера получил десяток яиц (...). Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Даже во сне я нередко вижу себя сумасшедшим.

И неудивительно. Понять окружающее и совершающееся мудрено. В Финляндии, как я узнал на днях, убили того юношу – Вадима Беляева, у которого я останавливался в Ленинграде, которого любил, как сына, с которым разделял этап и ссылку".

20 октября 1940 г.:

"Здесь только одна новость. Исчез совершенно чёрный хлеб".

12 ноября 1940 г.:

"Милый Миша!

Не то чтобы не было времени написать письмо, а скорее какая-то усталость является причиной того, что не отвечаю никому на ряд полученных писем. И то ещё обстоятельство мешает писать, что противен собственный эзоповский язык (...). Теперь у нас ещё заботы. Город стал центром военного округа. Предполагается в начале 1941 года провести паспортизацию. С июня составляются списки. Ходят мрачные слухи, что бывшие люди не получают паспорта – им будет предложено в 24 часа выбрать себе новое место жительства (...).

Идут аресты среди учащейся молодёжи. Между прочим, арестовали сына-студента А. П. Угрюмова, юношу 21 года".

Но тревога В. И. Смирнова оказалось напрасной. 15 декабря 1940 г. он пишет брату:

"Милый Миша!

Сегодня узнал приятное известие. Город Архангельск постановлением правительства объявлен нережимным городом. Это значит, что рассчитывать на улучшение продовольственного вопроса не приходится. Но вместе с тем это значит, что паспортизация будет проходить обычным путём и вся подготовка к ней и все те анкеты, которые мы заполняли по этому случаю, идут насмарку. Мы вздохнули свободнее. "Режимными" будут города, которые имеют оборонную промышленность.

Милый мой, твоё удрученное настроение по поводу всяких болезней и неопределенности судьбы мне очень понятно. Но падать духом не стоит, потому что упадническое настроение только ускоряет развязку.

Нам выпала судьба бороться до конца. Наше дело жить..."

Наступил последний год жизни В. И. Смирнова.

16 января 1941 г.:

«... в своём музее я сижу в шубе, а Лидия Сергеевна замерзает в школе с разбитыми окнами».

22 января 1941 г.:

«Еду третьи сутки в Ленинград. До Вологды наш поезд запоздал на 10 часов, а сибирский поезд, который должен прицепить в Вологде наш вагон, опаздывает ещё на 14 часов. Вагоны запущены. В уборную ходили, надевая по очереди сапоги одного топографа (...). Слышу разговоры о культуре. Одни говорят: "Деревня стала культурнее". Другие приводят цифры. В Красном уголке в Глиннике в 1929 году было 5 тысяч книг, а в 1940 году их стало 96. И никто в Красный уголок, кроме пьяных, не ходит. Один из работников этой культуры ушёл за пивом, на станции и остался. Остальные поют песни. Вагоны качаются. Писать трудно...»

16 февраля 1941 г.:

"В Ленинграде видел А. И. Андреева. Он очень тепло тебя вспоминал. Просил кланяться. Он работает в Архиве Академии Наук. Нашёл рукописи Ломоносова о лопарях и самоедах. И только за эти заслуги его не выслали из Ленинграда, как многих других, а уже сделано было предложение (...).

Сейчас нет под рукой бумаги, чтобы написать тебе о своих отношениях к начальству и последнего ко мне (оно, кстати сказать, всё пошло под суд за хищения и разбазаривание), о новых финансовых предприятиях, о посрамлении унтеров Пришибеевых?»

В следующем письме от 27 февраля 1941 года В. И. Смирнов вновь вернулся к этой теме:

"...И, рядом за пустое дело, которое потом я же и переделывал, рвут от казённого пирога свои люди. Какое разложение, гниль, не поверишь, всюду. Я прожил 1940 год со своим музеем без ассигнований на него, т. к. знают – вывернусь. Если бы был партийный, имел бы пять помощников и тысячи ассигнований (...). Я работаю сейчас над отчётом по раскопкам. Очень отстал от этой науки, в которой всё перестраивается по-новому".

Шпиономания в то время была повседневным бытом.

15 мая 1941 г. В. И. Смирнов пишет брату:

"Напечатали 8-й том трудов Северного Геологического Управления (...). Вдруг распоряжение – прекратить торговлю. Сообщить список адресатов, которым книги высланы. Оказывается, в одной из статей речь идёт о геологии станции Тундра (в 60, примерно, километрах от Архангельска), которая попала в засекреченную зону. Почти всего Севера геологию засекретили, благодаря надвигающейся войне..."

В этом же письме В. И. Смирнов писал:

«...здесь два кладбища, рядом через ограду. Одно английское – в полном и образцовом порядке, другое – православное, русское, являющее картину полного разрушения и поругания".

1 августа 1941 г.:

«Немцы, конечно, будут биты (...). Жаль, что по многим волнующим сейчас вопросам и фактам писать неудобно. (...). Музей свой перевёл в областной музей: «Наиболее ценную часть и издательство упаковали для перевозки в Сольвычегодск».

Последнее письмо В. И. Смирнов написал брату за две недели до смерти – 8 октября 1941 года:

"Продолжаю писать разные мелкие вещицы, которые сейчас не устроить ни в каком журнале. Занимает сам процесс писания, как некоторых

занимает занятия музыкой. Пишу и складываю в ящик, который в случае пожара следует вынести в первую очередь (...). Хотелось бы дотянуть до половины февраля 1942 года, когда мне стукнет 60 лет".

Хоронили его так:

Катафалк не приехал. Сослуживцы, прождав 2 часа, понесли гроб на руках на Вологодское кладбище...

В. И. Смирнов написал около 100 научных трудов, большинство из них остались неопубликованными.

Лидия Сергеевна Кितिцына – писала:

"Я ведь знала его только последние 17 лет жизни. Но и в эти IV лет я наблюдала его духовный и нравственный рост. Я преклоняюсь перед его личностью и хочется сделать все, чтобы увековечить его память".

Машинописная рукопись В. И. Смирнова "Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия" была получена нами в июле 1992 года в Санкт-Петербурге от В. С. Соболева, которому мы приносим искреннюю благодарность.*

С незначительными сокращениями рукопись была нами опубликована в газете "Архангельск" (10, 12, 15, 17, 19 сентября 1992 г.)**.

В данном издании она публикуется полностью и без изменений.

53 письма В. И. Смирнова к брату М. И. Смирнову из Архангельска за период с 13.II.1936 по 15.X.1941 хранятся в Государственном архиве Ярославской области в фонде М. И. Смирнова (Р-913, оп.1, д. 2). Фрагменты из этих писем были использованы нами при написании данной статьи. Три письма В. И. Смирнова публикуются целиком в приложении.

В Государственном архиве Костромской области хранится неопубликованная рукопись Л. Кितिцыной «Материалы дел биографии В. И. Смирнова». Мы имели возможность ознакомиться с ней и использовать ряд сведений из неё в нашей работе.***

* Соболев Владимир Семёнович в то время был директором Санкт-Петербургского архива Российской Академии Наук.

**[Отдельным изданием (100 экз.) в том же году. В 1997 году в петербургской «Звезде» (№ 11), в 2008 году – в книге «Архангельские тени: по архивам ФСБ. Т. 1: (1908–1942)»].

***В прошлом году эта рукопись опубликована (см. Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / В. И. Смирнов. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941) / Л. С. Кितिцына ; сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев-Посад, 2011. – 224 с.).

Мы также получили доступ к архивно-уголовному делу № 4323 Костромского управления Министерства безопасности России по обвинению В. И. Смирнова. Дело достаточно обширно и содержит массу информации для исследователей как "дел и дней" В. И. Смирнова, так и к истории краеведческого движения в СССР.

Сосланный в Воронеж, а затем замученный на сталинской каторге, Осип Мандельштам писал в мае 1935 года:

**"Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник".**

Стихи впервые опубликованы к 70-летию поэта в Нью-Йорке в 1961 году... Современник поэта О. Мандельштама историк В. И. Смирнов тоже мог бы сказать о себе:

**"Чего добились вы? Блестящего расчёта:
Губ шевелящихся отнять вы не смогли".**

Через полвека, после его смерти, читая работу В. И. Смирнова "Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия", мы явственно слышим, как будто записанный на магнитофонную ленту голос русского историка.

Юрий Дойков
Архангельск

В. И. Смирнов

Город Архангельск в начале 30-х годов XX ст.

Из записок иностранца

Предисловие

Перевод описания г. Архангельска, сделанный неизвестным лицом с датского языка, был передан мне одним моим знакомым вместе с пачкой других бумаг и писем, попавших в его руки случайно в хламе утильсырья. Трудно сказать, для каких целей заготавливалась рукопись – может быть, для издания в каком-нибудь журнале. Работа не закончена, выглядит черновиком с многими поправками и вставками. На полях местами сделаны карандашные пометки, что тут или там должен быть помещён такой-то рисунок. К сожалению, ни рисунков, ни конца рукописи до нас не дошло. Между тем, последняя часть, в которой автор обещает описать местные типы или, как он говорит, архангельские силуэты, – должна быть особенно интересна.

Можно пожалеть, что переводчик не указал имени автора очерков и органы или издания, откуда перевод сделан. Возможно, что он сделан с рукописи. Мне кажется даже, что переводчик и автор одно и то же лицо: во всяком случае, автор хорошо владеет русским языком, знает историю и литературу страны. Дело библиографов и историков литературы отыскать имя затерянного автора.

Описание города Архангельска относится к 1931–32 годам, когда здесь проживал его неизвестный пока автор. Очерки интересны с разных точек зрения. Прежде всего – неизжитым для заграницы до сих пор убеждением, что здесь всё ещё произрастает развесистая клюква.

В записках мы имеем редкий образчик суждений буржуазного западного наблюдателя, в глазах которого явления нашей жизни преломляются через призму убеждения всяческого превосходства западных порядков и тамошней культуры. Нередко автор отмечает действительно тёмные стороны местного быта, ещё не изжитые пережитки и наследие капиталистического общества.

В то же время необходимо отметить, как много автор проглядел, не осознал настоящего пульса местной жизни, не удосужился или не хотел заглянуть в рабочие клубы, в комсомольские и профсоюзные организации и т. п., ограничившись внешними наблюдениями. Автор больше вращался в кругу лиц, определённо не советски настроенных. Имел, по-видимому, широкое знакомство среди высланных – всё это сказалось, конечно, очень ярко на страницах записок. Ещё напрашивается вывод: автор, видимо, не бывал или не жилал подолгу в других наших городах. Ему кажется, что он открыл ту или иную специфическую

особенность, свойственную, по его мнению, лишь Архангельску. На самом деле многие из отмеченных им явлений широко бытуют по лицу СССР. Он, например, удивляется темпу строительства Архангельска.

Оставляя на совести автора подчас не высоко остроумные взгляды его в адрес архангельских жителей, ничего не убавляя в тексте, не скрашивая по-редакторски, мы даём точную копию рукописи (очень неразборчивым почерком написанной), опуская лишь карандашные отметки на полях: «по-датски это надо сказать так» или целые фразы на датском языке, по-русски переведённые довольно точно.

Предлагая без всяких комментариев и поправок текст, уверенные, что читатель легко сам разберётся в том, что здесь ценно и наоборот, мы не можем не отметить с горечью, что автор совершенно без надобности часто сгущает краски и сообщает иногда совершенно непроверенные и заведомо неверные сведения. Ряд данных, совершенно необоснованных, покоящихся на самых поверхностных наблюдениях и потому неверных или сомнительных, им преподносятся безоговорочно, выдаются за чистую монету. Разве правда, что все архангельцы пьянствуют и даже содержат особого историка пьянства? Разве есть доля правды в том, что нарочито доски деревянных тротуаров устраиваются так, чтобы пешеход летел в канаву? Чуть ли не нарочито это делается затем, чтобы он ломал себе ноги. Разве можно поверить, что архангельцы с детства приучаются к очередям и тухлой рыбе!.. Автор просто не хотел или не мог понять временно переживаемых в продовольствии затруднений и не сумел оценить вкуса настоящего выдержанной трески.

ГОРОД АРХАНГЕЛЬСК

Делаю попытку описать этот город, куда судьба случайно закинула меня на довольно продолжительное время. Опишу, не претендуя на изящество стиля и не рассчитывая дать всестороннюю картину жизни этого большого деревянного города, построенного на болоте.

I. Первые впечатления

Масса дерева и множество людей – это первое, что бросается здесь в глаза. На много вёрст по Северной Двине, на правом плече которой лежит городец, раскиданы лесопильные заводы, лесные биржи, лесные склады.

Архангельск – союзная лесопильня. Город почти сплошь деревянный: целые деревянные улицы – с деревянными панелями, с дощатыми или бревенчатыми мостовыми, с деревянными заборами и двориками, сплошь вымощенными

деревом. Город, покрытый деревянными крышами. Всюду неприбранные доски, брёвна, обрезки пиломатериалов, щепы, опилки, стружки. Мы даже не можем себе представить, как много здесь расходуется и бросается бесцельно дерева, как много его уплывает в море. Я видел, как сотни тысяч брёвен вместе со льдом, а потом и без льда плыли в океан. Архангельск спокойно созерцал это явление. И пресса по этому поводу хранила самое глубокомысленное молчание. Иногда газета вопила:

«Ни одного бревна в море!»,

а они плыли и плыли.

Кругом Архангельска давным-давно хищнически вырублены леса, и угрюмые громадные дома его построены и строятся из сплавленного леса, пригнанного из далёких вологодских и сиктивкарских краёв.

Отменный материал, дешёвизна рабочих рук, частая горимость Архангельска и недолговечность построек вследствие климатических условий – быстро обновляют город.

Старые покосившиеся здания встретишь лишь на боковых и задних улицах и проспектах, да в пригороде, где дома, жилые только в верхнем этаже, – не редкость. Деревянный город усиленно продолжает строиться и перестраиваться. В общем из дерева здесь умеют строить легко и свободно весьма крупные сооружения. Стройка последнего времени особенно грандиозна – рубят колоссальные стандартного казённого типа дома в два этажа с большими окнами. Тогда как раньше окна прорубались, возможно, небольшие и, как правило, не снабжались форточками.

И без того однообразный в глубине своих проспектов и улиц город, застроенный новыми стандартными домами на сваях, которые вбиваются предварительно в болотистую почву, кажется ещё более унылым на фоне болотистых улиц и чахлах садилов и грязных дворов.

Дома – в большинстве своём деревянные коробки, не оживлённые резьбой наличников, окрашенные в жёлтую краску. Как те жёлтые чемоданы, с которыми архангельцы ходят в баню. Один мой знакомый ссыльный художник, работающий статистиком в Лесозэкспорте, как-то говорил мне, когда мы проходили по городу и дивились однообразию стройки улиц и переулков, что такие дома в центре страны раньше строились только под трактиры и постоялые дворы.

Две странные детали в архитектуре многих старых домов бросаются здесь в глаза – пузатые балконы-фонари, срубленные вроде кормы корабля, и крыльца с крышей «отливом».

Раньше дома и заборы в городе красились сплошь в жёлтый цвет охры или в шоколадные тона. Теперь дома почти не красят или окрашивают случайно теми красками, которые в данное время можно приобрести на рынке. Так как в город завезли порядочное количество медянки, многие заборы в последние месяцы

окрасили в зелёный цвет. Часть домов покрасили белилами. Когда краски поблекнут, эта пестрота будет приятной. Кстати, отмечу странное явление: при резком изобилии леса – всюду видишь разломанные и поваленные заборы. Может быть, заборы, ограждающие частную собственность, при социалистическом строе – излишняя роскошь. Но никак нельзя сказать того же про тротуары, обслуживающие жителей всех классов общества. Они деревянные, устроены над сточными канавами и тоже поломаны, прогнили, зияют дырами и нарочито снабжены прогибающимися под тяжестью пешеходов досками. Они представляют собой настоящие ловушки для рассеянных путников. Нынешний год город усиленно починяет свои «мосты». Спрашиваю одного служащего Горкомхоза – сколько километров протяжения имеют тротуары города, он махнул рукой и ответил на языке каких-нибудь тасманийцев одним словом: ...много.

Стены домов только одежда их. Гораздо важнее то, что внутри, как и человек, дом может быть одет не очень нарядно, но в то же время представляет собой нечто незаурядное. Привычка заглядывать в чужие окна не очень почтенна. Но с любознательностью трудно справиться. Притом же с трамвая при прямом солнечном освещении или при открытых окнах дом виден насквозь. В каждом окне я вижу цветы: герани, фикусы, рододендроны и опять герани, фикусы, ёлочки «мечта», фуксии, «покрывало невесты», разные летники.

Удивительна любовь северян к южным растениям, посаженным в плошки, в горшки, в туюса (посуда из бересты), в лоханки, в ящики, в консервные банки, даже в ламповые абажуры и ночные горшки.

Вижу ещё: выглянет где-нибудь уголок кровати с шишками, краешек салфеточки-накомодничка, на стенах фотографические увеличенные портреты и группы, бумажные цветы и открытки. Самому мне удалось побывать не более как в двух десятках обывательских домов, и везде веет этой особой культурой: занавесочки, полочки, накидушки, тарелочки, цветочки – культура особого самодовольного благополучия. Этот тон проглядывает одинаково и в обстановке служащих, и в обстановке господствующего класса.

Вот кухни здесь устраиваются весьма недурно – они светлые, помещительные. Кухни служат семье в качестве столовой. На полках обилие медной посуды – прямо-таки медный век: кастрюли, кувшины, ступки, тазы, ковши, вёдра, кофейники, встречаются даже, ушаты из красной и латунной меди. Такая полка с посудой являет прекрасный *nature morte*. Вычищенная и никогда не употребляемая – она гордость хозяйки. Не сказалось ли здесь влияние Голландии, торговавшей с Архангельском в XVI ст.?

Русская печка широкая, белая с карнизиками, с нишами, с вышитыми занавесочками: занавесочкой покрывается чело, занавесочкой задёрнут подпечек, третья закрывает лесенку, четвёртая – нишу.

К здешнему жилищу я ещё раз возвращусь, а пока займу внимание общим пейзажем.

II. Архангельский пейзаж

Интересное явление наблюдается здесь. В чахлах садиках растут только берёза да тополь. Ель и сосну, видимо, не сажают, а, может быть, они и не растут тут. Раза два я встречал лиственницу, один дубок, кое-где есть черёмуха, рябина и ива. Берёза в Архангельске не достигает сколько-нибудь внушительных размеров, обычных у нас. Корни доходят до подземных вод, и дерево погибает лет в 30–40, продолжая украшать дворик своим сухим видом ещё ряд лет.

Город устроился на болоте. В траншеях, которые рылись при мне для осушки города, под наносным слоем земли сантиметров на 50–60 лежит торф – на 2, на 5 метров и ниже. Глубоко в торф опустились старые мостовые, которые приходится прорубать при прокладке траншей.

Городские садики довольно жалкие – одни берёзки. Лишь во второй половине июня начинают высаживать цветочки. В садиках фанерные сооружения – какие-то будки и памятники, ярко, без вкуса раскрашенные.

Архангельск расположен километрах в 50 от моря на правой стороне Северной Двины и на соседних островах дельты. Но море здесь уже чувствуется, слышен его запах, сюда приходят океанские пароходы.

Что здесь хорошо, так это масса света летом – от воды, от почти не заходящего солнца и свежего прозрачного воздуха. Лучезарные зори сходятся с зорями, и предметы днём и ночью так четки, так ясно очерчены их контуры. Но осенью и ранней весной мозгло, «сиверко», когда дует – «моряна».

Главная часть города, основанного около 400 лет тому назад, протянувшаяся по правому берегу излучины реки, имеет пять длинных параллельных друг другу проспектов: Павлина Виноградова, Чумбарова-Лучинского, Петроградский, Новгородский, Костромской. Первые два названы по имени местных деятелей революции, прочесть биографии которых пока мне не удалось ещё. Пересекающие эти проспекты под прямым углом улицы носят названия тоже деятелей революции и коммунистических вождей: К. Маркса, Энгельса, Розы Люксембург, Володарского и т. д. Город, видимо, распланирован был после какого-нибудь пожара, а не рос постепенно и путано, как росли другие старые города.

Для пейзажа Архангельска небезынтересно отметить крупные надписи на углах проспектов и улиц, свидетельствующие также о санитарных заботах Городского Совета рабочих и красноармейских депутатов: **«Воспрещается здесь сваливать навоз, мусор и грязь».**

На Костромском проспекте таких надписей не сделано, не возбраняется, следовательно, сваливать мусор. И проспект представляет собой сплошную свалку грязи, навоза, мусора. Лошади тонут по пуп в этой жиже меж сгнивших брёвен мостовой. Прибирается и метётся, собственно, говоря только один проспект Павлина Виноградова (прежний Троицкий проспект), с трамваем и с лучшими зданиями города. На прочих улицах и почти без исключения на всех дво-

рах можно видеть всевозможные отбросы: консервные банки, бумага, кости дохлой скотины, щепка, кухонные отбросы. Лужи жидкой зелёной мути, канавы, не просыхающие даже в самое жаркое время года.*

Город пытаются, но довольно безуспешно, осушить. Я наблюдал это предприятие. Целое лето, всю осень и часть зимы толпы «принудчиков» рыли улицу Энгельса, прокладывая по дну глубокой четырёхметровой траншеи тяжёлые деревянные трубы, сделанные из брусьев. Только что заравнивали участок, как трубы от тяжести земли прогибались или оседали, приходилось их отрывать, вновь и вновь перекладывать. Так и не закончили этот дорогостоящий, несмотря на бесплатный труд, дренаж.

Знакомиться с городом, изучать его – следует начинать с осмотра базара. Здесь самый главный пульс городской жизни, так как отсюда преимущественно распределяются продукты питания. По крайней мере, в западноевропейских городах.

В Архангельске несколько иная базарная обстановка. Едва я успел войти на базар, как последний был оцеплен милицией – происходила облава на спекулянтов и высланных, не имеющих при себе документов, – через несколько часов базар принял свой обычный вид.

Поражает отсутствие овощей. В июле и даже в августе я видел буквально, не преувеличивая, лишь несколько брюквин, ни одной морковины, редьки или свеклы, не говоря о другой более изысканной овощах. Три луковицы стоят «рубль». Хлеб нарезан на «рубль» небольшими кусочками граммов по 500, по 400. Яйцо – рубль штука, пирожок с ладонь величины из серой муки, с капустой, картофельной начинкой или с кашей, – рубль. Можно полакомиться местным деликатесом – шанёшками – пирожки с открытой начинкой из рыбы.

Много молока, и при этом прекрасного, но очень дорогого. В среднем в эти годы цена стояла за «полагунью» 8 рублей (стаканов 16). Носят какую-то морскую рыбу в виде грязных тряпок с запахом. Пьяный рыбак предлагает целую шляпу камбалы, по его словам, свежей – за 2 рубля. Всё это неаппетитно и смрадно. Сахар 20 рублей кило.

На базарах помимо наблюдения над жизнью толпы я всегда высматриваю местные изделия. Но в этом городе нет ничего особо любопытного. Можно купить только корзины из «гонотья», из тонких еловых лучин, очень лёгкие и довольно непрочные. Берестяных бурачков, иначе называемых «туесов», которые я видел в Музее выставленными как местные деревенские изделия, на базаре встречал лишь в руках домашних хозяек. Они расписаны красными и синими петушками и цветами с большим вкусом. Мне объяснили, что кустарные изделия вообще исчезли с рынка в связи с «раскулачиванием» и с налогами. На базаре нет даже глиняных горшков, даже деревянная ложка – дефицитный товар.

* Всё как сейчас... Только трамваев уже нет.

Как-то непонятным становится – зачем тут болтается круглый день громадная серая толпа. Много пьяных.

Город удобнее осматривать так.

Если вы приехали по железной дороге, после того, как вам 10 раз отдавят ноги при посадке на пароход «Москва», после очереди у кассы парохода, вы переезжаете Двину. Публика вновь кидается с парохода, как будто он начинает топать.

Вы в городе у самого базара. Посмотрите на последний, если не опасаетесь сильных ощущений и легко переносите острые запахи, садитесь на трамвай на проспекте Павлина Виноградова. Сесть не всегда бывает просто, принимая во внимание недисциплинированность местного населения. К счастью, может оказаться в этот час немного публики. Поезжайте до конца проспекта. Вы увидите лучшую часть города, лучшие магазины, почти все крупные правительственные учреждения, в том числе и здание ОГПУ, которое вы без труда узнаете, «Большой театр», тяжёлое мрачное каменное здание в форме грандиозного утюга, построенное на месте бывшего собора. Серый ресторан-гостиница, дом связи и банк, сооружённые в современном стиле, с большими светлыми окнами, сложенные из кирпича разрушенного собора. Небольшая деталь к постройке театра: через год после того, как отстроили театр, начали проделывать окна, которые позабыли сделать в верхнем этаже со стороны фасада.

Украшение старого города – ампиры здания Крайплана (бывший губернаторский дом) и Крайисполкома (бывшие присутственные места) постройки начала XIX в., с колоннами по фасаду – вы уже не увидите – их ломают, чтобы воздвигнуть на этом месте нечто более достойное эпохи.*

Перед зданием Исполкома памятник Севера – обелиск с оленем и помором. Скульптура не из важных. Но архангельцам он нравится. Кругом небольшой цветничок – маргаритки, гвоздики, заячья капуста. На этом месте раньше стоял, и не так давно, памятник Ломоносову, учёному, поэту и деятелю XVIII столетия. Он родился километрах в 50 от Архангельска и к последнему никакого отношения не имел... **«С чужого коня среди грязи долой»**, по русской пословице. Ломоносова перевезли к Лесотехническому институту, а на его место водрузили упомянутый обелиск.

**«Так архангельский мужик,
По своей иль божьей воле.
Стал разумен и велик», –**

кто-то припомнил мне старые стихи поэта.

Вы увидите пожарную каланчу и здание бывшей ратуши, по вывеске узнаете Краевой музей, промелькнет садик «Динамо» и множество похожих друг на

* Ныне главное здание Администрации Архангельской области.

друга деревянных домов в один и два этажа. Если вы осматриваете город летом, назад пройдите на набережной. Здесь разбит небольшой берёзовый бульварчик, мостики арками, несколько недурных зданий, в том числе новенькое белое здание «Северолеса», которым гордится город. Перед глазами масса воды владычицы и хозяйки края Двины, на которую горожане никогда не устают смотреть. Что-то роднит здесь Архангельск с Ленинградом. Идут пароходы, пробегают моторки, проплывают флотилии морских парусных шхун с резными деревянными конями на рулях. Не пережитки ли то нормандских ладей со звериным стилем их архитектурных украшений?.. Важно дымят грузные «иностранны» лесовозы, и без конца «идёт» лес...

III. Памятники

Не пытайтесь свои беглые впечатления от города пополнить посещением Музея. С этой стороны Музей не представляет интереса. Не только отдела города, но даже плана города в Музее нет. Мне пришлось ограничиться приобретением здесь краеведческого очерка города, изданного в 1928 г. В очерке есть глава, посвящённая достопримечательностям Архангельска. Среди них на первом месте стоит упомянутый уже памятник Ломоносову работы скульптора П. И. Мартоса. Он был поставлен 100 лет тому назад около собора (25 июня 1832 г.) и переезжает уже на третье место. Художник одел беднягу академика вместо тулупа и валенок в тогу. Одной рукой фигура поэта-учёного держит лиру, за которую ухватился какой-то ангелочек, а другой рукой делает неопределённый балансирующий жест, чтобы удержаться на полушарии, куда художник взгромоздил его. По всему видно, что памятнику не усидеть и у Лесотехнического института.* Самое примечательное в смысле образца русского зодчества здание XVII-го в. – гостиный двор, построенный Петром Марселисом. Нужно войти во двор так называемой таможни, чтобы полюбоваться этим единственным пока ещё не сломанным памятником XVII века, очень запущенным.

Перечислю бывшие ещё в 1928 г. в городе достопримечательности, указанные в упомянутом очерке:

Петровский домик. Приезжие и обыватель могут видеть, собственно говоря, только каменный футляр этого домика с наглухо заколоченными деревянными ставнями. По рассказам краеведов, одно время (в 1930 г.) в футляре и в самом домике Великого преобразователя целое лето жили «гопники» – так здесь называют люмпен-пролетариат. Можно себе представить, во что превратилась эта достопримечательность города.

Всё же мне удалось как-то осмотреть старый домик. Вижу – заходит

* Усидел.

внутри народ и дверь открыта. Зашёл и я. Оказывается, население заходит сюда для отправления некоторых своих потребностей. Домик превратился буквально в отхожее место. Свалены целые штабеля икон из какого-то храма. Часть их расколота и выброшена. На полу валяется прекрасный каменный барельеф единорога работы XVII столетия. На антисанитарное состояние домика обратил внимание санитарный отдел, и футляр вновь был заколочен накрепко.

Кафедральный собор. Заложен в 1709 году. «Верхний храм с пятирусным иконостасом, стенной росписью и богатой ризницей церковных облачений является, по отзыву специалистов, чуть ли не единственным в СССР сохранившим ансамбль конца XVIII столетия в полной неприкосновенности»...

Собор, как я уже сказал, сломан до основания в 1931 г. Перед сломкой была открыта на страницах местной прессы дискуссия на тему – следует ли сохранить памятник. В защиту его раздался лишь один робкий голос старичка-краеведа, указывавшего, между прочим, что подобный северный ренессанс можно видеть ещё только в архитектуре Соловецкого собора. Ему резонно ответили: желающие наслаждаться ренессансом могут прогуляться на Соловки.

Собор бывш. Михаило-Архангельского монастыря – является, повествует о нём краеведческий очерк, наиболее древним из храмов Архангельска, устроен он в 1685–1699 гг. «По своим архитектурным формам собор напоминает московские храмы, устройству которых подражали строители северных храмов в конце XVII и начале XVIII вв.»... Сломан в 1931 г. до основания.

Успенская Боровская церковь, заложенная в 1742 году. Разобрана до основания в 1931 г.

Михаило-Архангельская градская церковь, постройки 1743 г. с фреской на западной стене вида Архангельска. Разобрана в 1931 г.

Троицко-Кузнечевская церковь, 1745 г. Разбирается (1932 г.).

Не правда ли, странный город, не оставивший ни одного из своих памятников и ничем не заменивший их, если не считать неудачного в архитектурном смысле театра.

«В других городах, – говорил мне с горечью один старожил, – революцию ознаменовали постройками фабрик-гигантов, мостов, а нам подарили дурацкий колпак».

Есть ещё, впрочем, памятники. Об одном из них не упоминает краеведческий очерк. Это старые серебристые тополя в саду Крайплана и Исполкома, самые старые деревья в городе, посаженные 120 лет тому назад. Часть их спилили уже, чтобы очистить место под постройку нового здания.

Мне остается ещё сказать несколько слов о памятнике мореплавателю Пахтусову, сооружённом на его могиле на Соломбальском кладбище. Среди разбитых памятников и поваленных крестов кладбища памятник Пахтусову, открытый в 1878 г., можно считать более или менее сохранившимся. Правда, по-

ломана часть чугунного якоря на верхушке памятника, сломана чугунная решётка, покрылся плесенью барельеф. Но всё же он ещё стоит каким-то чудом. Памятник имеет вид каменной серой гранитной глыбы в полтора метра высотой. В глыбу вделана известковая плита с барельефом в виде парусной шхуны, плывущей среди льдов. Надпись:

«Корпуса штурманов подпоручик кавалер Пётр Кузмич Пахтусов умер в 1835 г. ноября 7 дня от роду 36 лет от понесённых в походах трудов и Д.....О.....».

Последнюю часть загадочной надписи расшифровывают так: **«и от домашних огорчений».**

Кстати, пять грустных слов о здешних кладбищах. У самой церковной ограды коопартель «Неизбежность» сделала выставку своей продукции: гроба разных размеров и раскраски, кресты, гражданские памятники. Среди однообразных крестов, наставленных на очень населённом кладбище «Неизбежностью», выделяется несколько старых крестиков с покрывками и охлупнями, принадлежащих аборигенам. Обращают внимание старые плиты, уцелевшие кое-где от XVIII и начала XIX в. Новый быт пришёл и сюда. При содействии «Неизбежности» появились в разных местах кладбища из дощечек и фанеры, ярко раскрашенные памятники-обелиски, со звездой наверху. Появляются новые надписи – новые виды элегий. Вот, например, одна из любопытных надписей 1932 г. После даты смерти жены и двух детей автор пишет:

«Спи же спокойно землёю зары[та]».

Последний подарок от мужа и папы Кокорина А. Это советский памятник. Автор хочет сказать, что он сам его сделал, а не купил у «Неизбежности».

IV. Пригороды

То, что мы видели мельком с трамвая, чем любовались на набережной и чему дивились, читая краеведческий очерк и печально взирая на те места, где были памятники, – это ещё не весь Архангельск. Чтобы понять этот город с населением более 200 тысяч человек, раскинувшийся пригородами на протяжении 40 километров, надо побывать в этих пригородах, пожить в Соломбале, прокатиться на Кегостров, посмотреть Цигломень, пройти по заводам Маймаксы, заглянуть на А-прим, на 14-й, 26-й и др.* Надо почувствовать здешнее лесное хозяйство, громоздкое и страшно трудоёмкое.

Смотря по времени года, в Соломбалу можно попасть через неширокий рукав Северной Двины Кузнечиху или на пароходе со слепым гармонистом

* 14-й, 26-й – советские номера архангельских лесозаводов.

Кармановым, или на лодке, по мосту (устроенному в 1931 г.), когда он бывает наведён, и по льду, когда станет река. Об этих переправах можно бы написать целую поэму.

Сейчас, когда я пишу эти строки, соломбальцы пользуются самым лучшим способом передвижения в город и обратно – по мосту. В ту и другую сторону по наплавному мосту течёт людская толпа. На обоих концах моста сидят слепые гармонисты, наигрывающие жалостливые мотивы, безногие и просто старые люди просят подаяния, у щелей забора дома сумасшедших собралась толпа любопытных. Вас поразит, лишь только вступите на мост, масса древесины в воде и выкатанной громадными горами на берег.

Соломбала – большой деревянный город с заводами, пристанью, своим вузом (высшим учебным заведением), с кино, баней, базаром, почтой и т. д. Здесь также на всех переулках хрипят и воют, как голодные собаки, громкоговорители.

В Соломбале не более 5 каменных зданий, одно из них, Преображенский собор петровского времени, разобрали; другое, Убекосевер, начала XIX в., – стоит совершенно ободранное. Соломбала горела реже, нежели город, и потому изредка здесь можно встретить старенький домик с охлупнем или ставни с резьбой провинциального ампиричного стиля, каждый дом выглядит крепостью – крыльцо обязательно выходит во дворик, за глухим высоким забором цепная собака, а калитка с железной массивной щеколдой в виде кольца с шишкой или кулака на ночь задвигается засовом. На окнах беленькие занавесочки и милые цветочки.

Как и в городе, дома здесь ставятся на сваях, изредка на плотках. Канавы плохо дренажируют почву. Весной остров заливается водой. В небольшом берёзовом садике вечерами гремит музыка, качаются качели, показывают зверей.

Самая красивая панорама открывается здесь с мостика речки Петкурьи, во время отливов совершенно мелеющей. По обоим её берегам стоят раскрашенные в разные цвета боты, карбасы, лодки, лодочки. Здесь умеют хорошо их делать. Плывут беспризорные бревна, кучки их накатаны на берегу для отопления. Кишит купающаяся детвора. Тут же полощут бельё и черпают для потребления воду. Картину дополняет группа пьяных, расположившихся у разных кучек брёвен. Они распивают из вёдер, из чайников, из банок пиво, когда последнее отпускается единственной здесь грязной пивнушкой, чаще, впрочем, закрытой за нехваткой пива.

У Соломбалы два лица. Одним она смотрит к реке. Это Набережная и ул. Левачева. Здесь бегают трамвай, здесь сосредоточена вся торговля, тут кино, различные учреждения. Судоремонтный завод с его верфями, доками и мастерскими и Управление береговой охраны и кораблевождения (Убекосевер) сообщают этому уголку приморский вид: мачты судов, подъёмные краны, гудки и дым океанских пароходов; в толпе, которая непрерывно течёт по улице Левачева,

матросы, моряки в формах. Ещё не так давно эта часть Соломбалы произвела на одну путешественницу впечатление иностранного города.

«Оставили вправо речку Кузнечиху, отделяющую Архангельск от Соломбалы, – пишет она, – и подъехали к Соломбале, этому совершенно иностранному городу, не имеющему ничего общего с Архангельском. Дома большие, магазины, иностранные консульства, англиканская церковь, таможни, пристани, целый ряд торговых заведений с иностранным обликом – всё резко отличало это предместье от самого Архангельска».*

Картина сейчас изменилась несколько. Англиканская, например, церковь, с которой посшибали готику, превращена в барак, в котором живут хохлы ссыльные, торговля далеко не носит иностранного облика, но о торговле речь впереди.

Другое лицо Соломбалы – в глубине её улиц Ирландской, Шотландской, Французской, Итальянской, Американской и др. Здесь она выглядит заурядным провинциальным местечком.

Неезженные улицы поросли зелёной травкой, бродят коровки, лошади, козы. Здесь живут семьи моряков, мастеровой люд, крепкие семьи, управляемые соломбальскими «жёнками»...

Впрочем, к соломбальцам, имеющим тоже два лица – парадное и домашнее, и к их женкам я ещё возвращусь, когда буду говорить о населении города и об архангельских силуэтах.

А сейчас, чтобы дополнить общее впечатление об Архангельске, этом нестроенном, необжитом городе, раскиданном по островам, попытаемся проехать на трамвае до лесопильных заводов вниз по реке, переберёмся в Маймаксу с её заводами и лесными биржами...**

V. Жилище и клопы***

Архангельск растёт не по дням, а по часам. До войны здесь было 25 тыс. жителей. Сейчас никакой статистики населения нет и никто точно не знает этого, но передают, что в нём около 230 тыс. человек.

Город усиленно строится. Его рубят, как рубили деревянные города древности. Даровое дерево, дешёвый труд. Срублено, сплавлено, выкатано, построе-

* Амалицкая, А. П. От Архангельска по Белому морю и Ледовитому океану до устья Печоры / А. П. Амалицкая. – [Б. м.] : Изд. Гос. рус. географ. о-ва, 1930. – Вып. 1. – С. 37–46.

**Последняя часть главы, посвящённая другим пригородам, не дошла до нас. В рукописи после слов «лесными биржами» сделана пометка: «См. вкладные листы: Маймакса, Цигломень, Кегостров, Бык, Исакогорка».

***Эта глава редакцией «Звезда» при публикации в 1997 г. была изъята.

но ссыльными. Их руками обстраивается Архангельск. Так послужила на пользу городу эпоха своеобразной смычки с деревней.

И, несмотря на удивительно быстрый рост домов, здесь гнетущая жилищная нужда. В объявлениях газеты постоянно читаешь:

«100 рублей тому, кто укажет комнату для одинокого жильца», или «Плачу 200 рублей въездных, даже 300 рублей».

Последняя жилищная перепись была в 1918 году. С тех пор о статистике нет никакой речи, и сведения наши ограничиваются общими впечатлениями и показаниями, вернее, жалобами обывателя. В 1926 г. по сведениям упомянутого краеведческого очерка, на человека приходилось в среднем 6,4 метра жилой площади. Эта норма теперь значительно, конечно, понизилась. Дело в том, что деревня валом валит в город, никому стал не интересен крестьянский труд и деревенская жизнь.

Нельзя не остановить внимания на этом любопытном моменте в истории города. Взаимоотношения города и деревни складываются в борьбе за цены на продукты, той и другой стороны. Были моменты не в далеком прошлом, когда победа была на стороне деревни, назначавшей неслыханные цены на картофель, муку, крупу и прочее. Горожанин за бесценок отдавал свои самовары, граммофоны, куски материи, платья и т. д. Но побеждает в конце концов тот, в чьих руках штык и деньги – город сумел нажать на деревню. Но тут совершилось интересное явление – деревня, увидев невыгоду своего положения, двинулась в город, втиснулась, заполонила его. Так в своё время завоёванные Римом германцы заповили и овладели им. Отсюда рост города, отсюда жилищная нужда.

Не успеют плотники закончить постройку дома, он уже заселён жильцами и клопами, в окнах появляются занавесочки, цветочки герани. Люди с сундуками, с узлами, не опасаящиеся спать на полу, жить в грязи, идут и идут в город, отвоёвывают, не задумываясь в средствах, себе место под городским солнцем. До какой меры обострена борьба за жилищную площадь показывает напечатанное в местной газете «Правда Севера» письмо специалиста (№ 153 от 4 июля 1932 г.). Трое научных работников задумали построить себе домик на трудовые денежки. Права научных работников на дополнительную жилплощадь ограждены целым рядом директив, права их на построенный домик как застройщиков тоже неотъемлемы. А домик заняли всё-таки не они, а сотрудник хозчасти Краймилиции Бурханов. И никто не мог его выселить. Горсовет постановляет о немедленном выселении, райсовет распорядился освободить домик от непрошенного жильца. РКИ несколько раз давало ему предписание о том же. Не едет. Народный суд Архангельска вынес решение «выселить т. Бурханова из дома № 82^a по Петроградскому проспекту». Не едет. Горпрокуратура, Крайпрокуратура, снова Горсовет... Никто ничего не может поделать... Март, апрель, май, июнь, июль – сотрудник Краймилиции продолжает жить в незаконно занятом им

доме. Стоит задуматься над этим фактом...

Архангельск – самый тёплый город. Дрова здесь ни по чём. Многие запасают даром плывущий из Вологодских и Сольвычегодских краёв лес. Вся Соломбала отапливается с Двины, вода прибывает лес к берегу: бери и пили. И только ленивый не успеет здесь запастись дров. Они баснословно дешевы на рынке (20 р. сажень). И, тем не менее, жалобы на холодные квартиры обычны. Дома быстро изнашиваются, прогнивают. Чтобы не быть голословным в описании жилища, каким оно выглядит, когда познакомишься с ним ближе, я воспользуюсь свидетельствами самих жителей во время жилищной переписи 1918 г. и газетными статьями самого последнего времени (1932 г.).

Жалобы на холод, сырость, отсутствие элементарных условий, неисправность печей, уборных, может быть, сгущены. Но слишком уже кричат об этом факты. На обратной стороне переписного формуляра квартирант, например, пишет:

«самые ужасные условия для жизни. Всё затоплено водой. Грязь. Крыша худая. Сквозь потолок течёт всё время во время дождя. Печь неисправная – плохой под. Полы дырявые. Двери не открываются – повисли».

Или:

«недостатки самые гнусные: пол из набросанных кое-как гнилых досок, стены гнилые буквально и с наклонностями. Двери сквозные и без притворов. В сени стекает уличная грязь и распухшее. Печь сколько ни топи – одна холодность. А когда производился ремонт – этого ни мы, ни соседи, ни даже сама домовладелица не помнит».

Вот ещё:

«ремонта не было лет 10. Обои ободраны и грязные, потолки грязные, полы вытерты, печи плохие и дымят, выюшки на чердаках отсутствуют, плохо поэтому держат тепло. Двери наружные с улицы обветшали, разваливаются и падают с петель. Двери из сеней в кухню не притворяются плотно и зимой пропускают холод. Углы в двух передних комнатах зимой промерзают, в углах бывает снег и температура опускается до 2°. Клозеты холодные. Кладовой для провизии нет. Масса тараканов разных видов» и т. д.

Частный владелец потерял вкус к домоведению, потерял самую возможность поддерживать дом, так как жилец платит пустяки по ставке. Лучше живут в так называемых Жактах – в жилищных кооперативах, образовавшихся в больших домах. Но попасть в жил. кооператив дело не простое. Легче это удаётся представителям господствующего класса. Но и то не всегда. Вот что пишет пресса о бытовых условиях рабочих:

«В новых бараках крыши протекают».

Это на заводе «Пролетарий» (Правда Севера. – 1932. – №150) на 26 лесобирже в бараке № 8:

«помещение совершенно недостаточное, тесное. Между койками совсем нет прохода. На всю половину барака имеется один приютившийся у дверей маленький столик. Закусывать рабочие вынуждены на койках. Табуретки и скамейки отсутствуют. Также отсутствуют и вешалки. Всю верхнюю одежду можно положить только под матрац. Но хуже всего то, что многие спят по два человека на одной койке и ко всему этому тут же ночуют и девушки»... (Правда Севера. – 1932. – № 146).

«Барак № 8 на Набережной, где живут водники запасной команды и береговые матросы, превращён в ночлежку для беспризорников всего города. Пьянки, драки, кражи и картежная игра, здесь обычное явление ночи; на утро подсчёты добычи и снова опохмеление» (Правда Севера. – 1932. – № 152).

На Пяндской запани «в общежитиях рабочих с потолка сыплется песок, а хозяйственники, несмотря на жалобы рабочих, не хотят оклеить потолок газетами»... (Правда Севера. – 1932. – № 155).

На заводе имени Молотова в бараках №№ 32 и 33:

«Во всех комнатах зимой страшный холод. Зимой всегда мёрзнет вода, потолки не штукатурены, на них щели и дыры, из которых сыплется опилок и всякий мусор. Стекол в рамах нет, комнаты вообще не проветриваются, электрических лампочек нет; в обоих бараках нет уборных, и рабочие вынуждены бегать за 200 метров. Всю зиму дров не подвозили, и жильцы вынуждены таскать их сами, а отсюда развито воровство и драки. В одной половине барака № 32 есть водопровод, но вторая половина жильцов этого барака им не пользуется. Им запрещают пользоваться водопроводом, и они берут грязную воду в реке. В комнате № 16 – маленькой по кубатуре – втиснуты четыре семьи и живут как сельди в бочке, запах в комнате ужасный, потому что за неимением кладовки, продукты хранятся под койками. Во время дождя заливают весь пол и всё имущество, детишки с плачем спасаются только под столом. Печки не исправны, и работницы не знают, как и где приготовить обед. Комната № 9 в 33 бараке занята молодыми ребятами-одиночками. У них никто не прибирает, печки топят сами, поспешив на работу, заливают дрова, отчего получается дым во всём доме и угроза пожара» (Правда Севера. – 1932 – № 159).

Ещё:

«Жилплощадью рабочие (шпалорезного завода № 3) не обеспечены,

обещанные дома ещё когда-то достроятся, а сезонники живут скученно, спят на полу без матрацев, в комнатах без окон, где валяются стружки, солома, песок и проч. Баней рабочие не обеспечены, постельного белья и в глаза не видели, а потому целыми ночами рабочие вместо сна охотятся за паразитами» (Правда Севера – 1932 – № 152).

Хватит! Но всё же картина не полна, если не остановиться вниманием на паразите, заевшем город.

В Архангельске нет такого дома, где не водились бы клопы. Даже в нежилых домах – в учреждениях они живут и благоденствуют. В слесарной мастерской, в пилоставной, в конюшне, в заводском буфете стены заражены клопами; в заводском комитете, ЗРК, в кладовой, даже в уборной можно обнаружить без особого труда это насекомое; в Крайплане, в Крайисполкоме, в трамвае – всюду эти бесплатные жильцы, не поддающиеся никакому учёту, никакой статистике.

В самой лучшей гостинице города, в номерах, за которые платят по 20 руб. в день, каждую ночь жильцы принуждены устраивать культпоходы на клопов.

«Пусть кто-нибудь из любопытства заявится на Кегостров и осмелится переночевать в бараках № 16, 33, 37 и 34 и в любом другом, – пишет корреспондент «Правды Севера» (1932. – № 189), – я в полной уверенности, что через два часа этот смельчак будет вытеснен клопами предварительно в коридор, а затем будет спасаться бегством и, безусловно, без всяких успехов – пока не покинет остров, его будут всюду преследовать клопы»...

Здесь водятся два вида домашних клопов, мирно уживающиеся; необычно плодовитое, живучее насекомое это может прожить очень долгое время без питания, высохнуть в листочек, как тень. Но, отведав крови, оживает, пьянеет, теряет всякую осторожность, наглеет.

«В светлые белые ночи и при луне, – рассказывал мне один энтомолог, – можно наблюдать игры маленьких клопов – как дети они кружатся, бегают друг за другом...»

Совершенно серьёзно передают наблюдатели, как в солнечные дни клопы стадами, целыми армиями разгуливают или переселяются из дома в дом по деревянным тротуарам и мостовым.

На рынке появляются время от времени различные порошки и жидкости, якобы уничтожающие клопов, печатаются объявления о конкурсе на лучшее против них средство, рекомендуют употреблять нюхательную махорку, ошпаривать их кипятком и т. д. Но всё это делается кустарно. Клоп продолжает владеть и грызть. В общежитиях он положительно заел рабочих. Как-то один сотрудник газеты некто Ал. Яхлаков написал хлесткий фельетон «Клоп» (Правда Севера. – 1932. – № 171) и им открыл на страницах газеты широкую дискус-

сию о клопе. Серия статей:

«Электричество на борьбу с клопами! Предложение рабочего-изобретателя Сидорова». «Как избавиться от клопов. Предложение ветработника Ашамалова». «Даже нет кипятка против паразитов». «Уничтожить вредителей рабочего быта». «О том, как клопы съели ячейку Осоавиахи-ма». «После дезинфекции снова клопы». «Клоп углубляет прорыв на Цигломенских заводах». «Клопы съедают рабочий отдых» и т. д. и т. д. Призывается на борьбу с клопом весь комсомол, мобилизуется Осоавиахим.

И всё же большая часть 230-тысячного населения города продолжают нести на своих хребтах эту тяжесть некультурности и будут нести это стихийное бедствие, пока население бараков не будет более культурно, пока будет держаться мнение на русском севере, что клопа, вроде как бы голубя в иных местах, бить нельзя. Совершенно серьезно уверяла одного моего знакомого старушка-хозяйка за то, что тот раздавил клопа:

«Теперь, – говорила она, – заедят за него клопы всех нас»...

Эту мысль мне высказывали здесь не раз. Не удивительно, что у некоторых опускаются руки в борьбе с клопами. Они отодвигают лишь кровать от стены да ставят ножки кровати в консервные банки с водой. Уверяют однако, что клоп прыгает тогда на спящего с потолка.

Хватит!... Нет не совсем.

Архангельск заела вошь. В трамвае видишь, как ползают вши по дядькам и по их кожаным пиджакам и по шапкам. В столовой по рукаву соседа мирно похаживают они, закрываешь глаза, чтобы проглотить кусок. В бане в шкафах для одежды... Это население общежитий и бараков расплзается, несёт с собой зуд и тифы.

Никто ещё не набрался смелости объявить борьбу с этим бедствием. Оно связано с другим социальным бедствием неразрывными узами, но об этом потом...

VI. Чем питаются и как пьют жители

Обезличка в питании давно изжита в Архангельске. Мои наблюдения в этом отношении, естественно, ограничиваются общественным питанием, и здесь они не полны. В аристократических столовых Крайплана и Крайисполкома, куда доступ строго ограничен, я не был и не могу судить о порядках и о том, как там

питают. Но говорят, что неплохо. Похуже, но недурно кормит столовая для специалистов при клубе индустриализации. Но столовая та дорогая, и доступ сюда также ограничен – обедают спецы и люди, умеющие всюду пролезть. Мне более знакомы столовая № 13 на просп. Павлина Виноградова – для мелкой сошки, для служащих, и № 14 на Набережной – для всех вообще, в том числе и для высланных.

О санитарном состоянии кухни последней лучше всего повествовала стенгазета, когда в прошлом году я там обедал. В ней, между прочим, рассказывалось, что тарелки ставятся на пол, а по полу из уборной течёт жижа. В архангельском Музее санпросвещения выставлены фартук и полотенце из этой столовой в качестве экспонатов антисанитарии. Там же выставлена бутылочка воды, в какой моется посуда, и ложка. Диаметр этой ложки равен 10 см, т. е. она рассчитана на пасть акулы.

Порядок получения обеда тут оригинальный. После того, как вы получите талон на обед, предъявив в кассе свою обеденную карточку, при входе в столовую вам вручают эту самую ложку. При выходе вы должны её сдать. Такой порядок заведён потому, что ложки воруют, ложка дефицитный товар в городе, даже такая.

О вилках и ножах в столовой нет и помину. Рыбу кушают руками. Надлежащий способ употребления вилок или, как их иногда здесь называют, «приемцев», не всем известен. Как-то однажды в студенческой столовой я наблюдал, как молодой дикарь брал руками с тарелки кусок колбасы, надевал его на вилку, которую держал в другой руке, и потом уже нёс в рот. В одном кафе иногда можно бывает спросить что-нибудь закусить – конскую колбасу, поджаренный картофель, селёдочку. Вам подадут, если вы позаботились прийти пораньше, пока ещё не съела публика, но без вилки. Нужно сходить к буфету, внести рубль залога, тогда вы получите вилку.

В одной пригородной столовой, рассказывал один знакомый астроном, служивший там в канцелярии, в течение недели раскрали 60 ложек и 34 стакана. Недаром ещё Грозный говорил голландскому послу Герберштейну:

«У меня русские все воры».

По совести говоря, вилки и не так уж нужны в 14-й столовой – длинной полосой дней тянется меню: суп овощной или рыбный и каша. Когда не стало крупы, на второе стали давать макароны. Это были лучшие времена. Потом стали давать на второе три селёдочки или ложку кислого творога. Суп иногда разнообразят: делают из кислой капусты, из брюквы, как-то недавно подавали кукурузный суп (три кукурузины в воде). Нужно оговориться: 14-я столовая делилась на два этажа: для публики посерее – внизу и для тех, кто почище, – вверху. Здесь подешевле, там подороже и поменьше, но тоже неважно. Теперь, говорят, обезличили, слили вместе, но почти никто уже не обедает, одни мухи и сонные

подавальщицы.

В 13-й столовой питается мелкий служащий люд (конец 1931 г. и начало 1932 г.). Столовая отличается убийственными очередями: очередь к кассе тянется по лестнице со второго этажа на улицу. Затем становишься в очередь за местом к столу, за тобой становятся другие. Все очередные смотрят в рот обедающего – скоро ли он кончит. И кажется, будто он без зубов – жуёт, жуёт без конца. Когда, наконец, удаётся сесть, надо ждать, когда подадут. Нередко на всю процедуру обеда уходит до двух часов.

Меню иное здесь: суп из консервов или суп грибной. На второе тушеная кислая капуста, винегрет с солёными грибами, иногда каша. На третье – клюквенный кисель или стакан кофе. При рыбе подаются приемцы.

В настоящее время эта столовая преобразовалась в столовую каких-то особых специалистов, и как там питают и куда рассеялась столовавшаяся масса обывателя, не ведаю.

Справедливость требует отметить, что сравнительно недурно кормят в столовых различных учреждений, как Крайзу, тресты и т. д. В столовой Крайзу, например (март – апрель 1932 г.), подавали тарелку мясного супа без мяса, на второе мясо из супа в виде гуляша или жареную рыбу. На третье в полоскательнице – кисель или кашица. Два тонких ломтика хлеба при этом. Всё это стоит 1 р. 50 коп. В других за то же приблизительно платят 2 рубля.

Как общее правило, во всех столовых, чтобы гражданин не сожрал два обеда в день, отмечают на так называемой именной обеденной карточке, какого числа выдан талончик на право отобедать. И ещё одна любопытная особенность: во многих столовых нельзя взять что-нибудь одно из обеда – хочешь не хочешь, бери весь обед.

В других столовых завели недавно порядок иного рода: желающий может взять себе так называемый улучшенный обед – он в два раза дороже обыкновенного (3 р.), или взять что-нибудь порционно, например, порцию тетерки (3 р.), отбивную котлету (4–5 р.). Город дорогой!

Очень-очень много в этом сказочном городе своеобразного!

Каждый гражданин здесь снабжается продуктовой карточкой, по которой можно получить по норме хлеб, сахар, масло, мясо, рыбу, чай, крупу, нитки, мыло. Рабочие и ответственные работники получают карточки по одному списку, прочие – по другому. Граждане каждого списка делятся в свою очередь на три категории. В самом низу этой социальной лестницы стоят мелкие служащие да домашние хозяйки – им полагается 300 граммов хлеба в день и 200 граммов сахара на месяц. В последнее время крупы никому не стали давать – уравнили. Низшие категории давно уже получают только хлеб.

Так вот, чтобы «прикрепиться» к столовой, надо было предъявлять эту продуктовую карточку, удостоверение с места службы и билет члена профсою-

за. Из карточки вырезали часть талонов на крупу, масло, рыбу, мясо. Но потом этот порядок оставили, так как крупа и мясо исчезли из обихода горожан. Во всяком случае, всем не стало хватать.

Питание рабочих далеко не одинаково в разных местах. В одних, как сам я мог убедиться, обедая на заводах во время субботников, кормят по-архангельски недурно. О других столовых пресса пишет вот что:

«В столовой 23-го лесозавода на обед готовится в большинстве случаев одна вода. Про кашу рабочие совсем забыли. На второе рабочим подаётся когда хвост, когда голова рыбы» (Правда Севера. – 1932 – № 154).

На заводе «А» рабочие-шофёры **«по часу простаивают иногда за обедами»** (Правда Севера. – 1932. – № 155).

«В столовой (лесобиржи № 3) качество обедов крайне низкое, стол для ударников не выделен. Грубость в обращении обслуживаемого (!) персонала – система, изменить которую никто не рискует. Столовая специалистов превращена в распивочное заведение» (Правда Севера. – 1932. – № 152).

«Питание в столовой (на Пяндской запани) не улучшается. Кроме рыбы, крупы и растительного масла, ничего нет. Самозаготовки проходят неудовлетворительно. Отбросы из столовой идут неизвестно куда» (Правда Севера. – 1932. – № 155).

«В столовой № 1 (на лесобирже Бакарицы) обеды преимущественно готовятся из гнилых, покрывшихся плесенью грибов, заготовленных ещё осенью 1931 г., – рассказывает корреспондент в июне 1932 г. – Вопросом улучшения питания рабочих никто не интересуется» (Правда Севера. – 1932. – № 152).

«В столовой запани беспорядки. Ночная смена не имеет буфета. Не выдаются вовремя талоны ночной смене, из-за чего часть товарищей остаётся без обеда. 10 июля к обеду подали совсем сырую кашу. Плохо чистят рыбу, валят в котёл со всей требухой».

«В столовой лесозавода № 7 и «К» творится ряд вопиющих безобразий. Среди служащих столовой процветают пьянство, хулиганство и кумовство. Не раз в столовой служащие устраивали пьянки, в результате чего пьяные вялились на полу столовой (этот факт был отмечен стенной газетой столовой). 22 мая руководители столовой дошли до того, что после пьянки учинили поножовщину и попали в милицию».

«Карточки на получение обедов заведующий выдаёт не всем, несмотря на резолюцию директора завода, а с разбором».

«У заведующего столовой есть любимчики, которым он выдаёт карточки без обозначения числа месяца на талоне, и «счастливчики» могут по-

лучить в один день по два обеда».

«Бывали случаи, когда контроль пропускал талоны, явно переправленные на то число, которое нужно обедающему».

«Санитарные и гигиенические условия в столовой отсутствуют. На окнах висят старые марлевые тряпки, которыми рабочие вытирают руки, так как в столовой нет полотенца. Посуда моется только в одной воде, никогда не споласкивается, не просушивается и не вытирается, или иногда вытирается грязной тряпкой». «Обед рабочим подаётся в миске на 5–10 человек, но избранные по приказанию заведующего получают обед в отдельных мисках» (Правда Севера. – 1932. – № 132).

И так далее – о гнилых продуктах, червях в супе, о расхищении продуктов можно привести бесконечное количество подобных картин из жизни рабочих столовых, да и других.

Неудивительно стремление граждан отобедать в одиночку дома: по крайней мере, не стоять в очереди. И вот – полгорода вооружилось судками, банками из-под консервов, горшочками, кастрюльками самых разнообразных размеров, форм и цветов: в них забирают в столовой обед и несут домой, обливают им второпях себя и соседей, расплескивают, спасаясь от собак и автомобилей.

Коренной архангелец без тухлой рыбы жить не может. И не может он не пить. Пьют все: взрослые, юноши, дети, женщины, люди всех положений, чинов и званий. Пьют с утра, днём и ночью. Пьют безобразно, глупо, откровенно, хвастливо; заядлые пьяницы из партийных чаще потихоньку – высокое положение обязывает. Под заборами, на мостовых, на панелях, на трамваях и под трамваями – всюду лежат пьяные тела; валяются в театре, в кино, раскиданы по канавам и в сугробах. Всюду видишь одиночек и группы шатающихся фигур, с налитыми кровью лицами, с осоловелыми мутными глазами, с безумным выражением. Никого это не смущает. Никому не стыдно. Как-будто так и должно быть. Пропивается весь заработок, пьяными являются на работу или запьянствуют и совсем не приходят; пьют рабочие, пьянствуют десятники, спились служащие контор, пьянка продолжается ряд месяцев и вошла в систему (Правда Севера. – 1932. – № 203).

Пьяная отборная ругань всюду висит в воздухе, никого и это не шокирует, как-будто так и надо.

Пьёт безумно не только коренной житель рабочий, пьёт и сезонник, ссыльные – пришлецы с берегов Волги и Дона, житель степей калмык, башкир. Может быть, тут сказывается веление сурового Севера – потребность согреться, а может быть, и самый труд на лесу, тяжёлый, бесконечный, неинтересный: окорка, выкатка, погрузка, разгрузка, пилка, распиловка, сплотка, сплав, опять окорка, выкатка и т. д.

Как-то перепились все бригады лесокатов на 23-м заводе. Суд объяснил это тем, будто классовый враг спойл лесокатов, не гнушаясь выбором средств, сделал такую оригинальную вылазку (Классовый враг не гнушается выбором средств // Ударник лесозэкспорта. – 1932. – № 44).

Водка и пиво здесь часто являются вроде как бы библиографической редкостью: выпивают все, не успевают подвозить. И так было, начиная с XVII века, как о том свидетельствует местный историк пьянства, которого специально на этой роли содержит КрайОНО.

VII. Торговля и очереди

На стеклах и ставнях магазина № 12 ЦРК (центрального рабочего кооператива близ Красного Креста) перечислены разнообразные товары: мыло, масло, сыр, чай, сахар, кофе, свечи, колбаса, лимонад, фрукты, овощи и т. д. Вы жестоко, однако, ошибетесь, поверив этой рекламе, что-нибудь подобное и не думайте встретить в магазине.

Засиженные мухами коробки и пакеты с каким-то поддельным кофе, пудра, флаконы с духами, пуговицы, пара запыленных фуражек из дешевой материи, которые не полезут ни на одну голову, какие-то ремешки, замызганные сумочки, порошок для бритья, зубной порошок. В стороне хлеб и бочка из-под кваса. Сонная тишина: сонные мухи, скучающие служащие, вяленые одиночки-покупатели. Заглядывает зоркий глаз домохозяйки, обходящей ежедневно по нескольку раз все магазины города подряд.

Трудно понять, как это происходит, какой могучий инстинкт руководит людьми, но буквально через минуту, как только появляется продовольственный товар, вроде огурцов в конце августа, или товар ширпотреба, например, чайные стаканы, магазин мгновенно осаждается, обыватель выстраивается в очередь за товаром. Последний через час, через два раскупается. Некоторые ловкие люди успевают обернуться в очереди два-три раза, другие расставляют в очередях деток. Таким путём им удаётся получить три чайных стакана или закупить три кило огурцов.

Цены всюду разные, вольные, так сказать, цены. В одном магазине кило этих солёных огурцов стоило (1 сент. 1932) – 2 р. 50 к., в другом – 2 р. 10 к., в третьем – 1 р. 50 к., а в четвёртом – 1 р. 20 к. И это на территории не более как 1 кв. километр.

На других магазинах широковещательной рекламы нет уже. Ограничиваются маленькой вывеской: магазин № такой-то Арх. ЦРК, магазин № такой-то Севводник, торговля Потребсоюза. Внутри то же самое: лозунги, плакаты, портреты вождей и очень мало товара, и везде товар почти один и тот же. Товар разнообразится лишь в зависимости от сезона: летом, например, в некоторых мага-

зинах можно было видеть на выставке тёплые дамские галоши, валёные сапоги; зимой можно встретить на этом месте летние дамские шляпы отжившей давно моды, коньки для зимнего спорта, крючки для рыбной ловли.

Лучше других снабжён соответствующим товаром спортивный магазин «Динамо», бойко торгующий спецобувью, свитерами, лыжами и т. д.

В любую минуту всякий товар в городе может оказаться дефицитным, а дефицитность может растянуться на протяжное время, иной раз на ряд месяцев. Сейчас нет во всём городе ни одного листа писчей бумаги. Ни за какие деньги вы не достанете шпагату, сковородку или чайник, не говорю о белой муке, о рисе. Плохо с карандашами. Нет чернил и т. д. Зато магазины завалены мылом, которого не было всю зиму. Правда, это мыло продаётся по дорогой, так называемой коммерческой цене – хозяйственное по 2 р. за кусок (500 гр.), туалетное 1 р. 20 к. – 1 р. 50 к. за небольшой кусочек.

Торговля здесь организована так, что вы можете проходить целый день по магазинам, встречать в некоторых нужные вам предметы, и всё же может случиться, что ничего не купите. Окажется, например, что вы не «прикреплены» к тому магазину, где нужный предмет имеется в продаже. В нём могут покупать этот предмет, например, хлеб, только прикреплённые, скажем – водники или специалисты. Часть магазинов превратилась в закрытые распределители, куда можно попасть посмотреть товар лишь по предъявлению особого пропуска. Эти магазины для лиц высокого ранга...

Почему бы, думаете вы, не купить к чаю или кофе печенье в своём магазине, в котором только что откупили ящики с печеньем и не успела набраться очередь? Оказывается, дают печенье только ударникам. Они лишь могут баловаться или спекулировать тут же. Бывает и так: стоит за прилавком целая бочка с клюквой, знаменитой северной клюквой, которая здесь заменяет к чаю западноевропейский лимон и варенья. Просишь отпустить кило за 1 р. 80 к. (цена 1931–1932 гг.).

«Вашу членскую книжку дайте!» – спрашивает приказчик. Подаю. **«Вы не внесли на пригородное хозяйство. Клюкву даём только тем, у кого полный пай и внесено на пригородное хозяйство».**

Этот взнос надо делать каждый месяц, иначе теряете право на клюкву. Если в порядке взнос на неведомое хозяйство, в процветании которого вы заинтересованы очень слабо, у вас спросят показать квитанции на спецстроительство.

Нет, не так-то просто купить плоды развесистой клюквы. Между прочим, ни один приказчик не мог объяснить мне, что это за спецстроительство.

Архангельцы, по преимуществу, были торговцами, издавшими виды, бывавшими за границей. Они были проводниками западной культуры в Московию. Но почему-то они не выучились у нас опрятности. В магазинах грязь угнетающая. Сор, вонь мало кого смущают. Изредка поворчит газета:

«Кооператив содержится грязно, – пишет она, – на прилавке и на полу стоят лужи от рыбного рассола, селёдка лежит рядом с хлебом. Продавец Марфа частенько своим знакомым отпускает товар без очереди. Обсчитывание и обвешивание рабочих вошло продавцам в привычку, были весы, которые обвешивали на 300 граммов. Самими рабочими была произведена проверка, и весы из кооператива изъяты» (Правда Севера. – 1932. – № 168).

Продолжу несколько сетования корреспондента, характеризующие, скорее, самое производство, нежели торговлю:

«Пекарня содержится грязно, на двух пекарей один халат, на котором втолстую (?) грязи, нет даже умывальника... Хлеб возят не закрытым, садится пыль и грязь».

На моих глазах архангельская торговля пережила ещё два крупных этапа – в неё внедрилась колхозная торговля и закрепилась так называемая авансовая. На заре колхозной торговли, примерно в июне, в июле месяце разразился в газете шум: надо всемерно содействовать колхозной торговле, в очередях тоже пошли настойчивые разговоры – вот подождите, колхозники, скоро привезу масла, молока, картофеля, мяса, авось снизятся рыночные цены.

Домохозяйки насторожились. Решили поддержать. Понастроили на улицах и площадях полков, ларьков, вроде скворешен. Вынесли из магазинов сюда предметы ширпотреба, главным образом, запонки, сумочки, ремешки, продукцию «Тэжэ» (парфюмерная фабрика). Домохозяйки выстроились с ночи в очереди за маслом в колхозные ларьки и за мануфактурой, за селёдками и прочим, что предназначалось для колхозников.

Нужно сказать, что колхозники время от времени (не очень часто) привозят на базар молоко, творог, мясо, но не помногу и продают немногим дешевле спекулянтов. Всё это расхватывается на разрыв с боем в очередях.

Спекулятивные цены базара отнюдь не поколеблены. Спекулянтов лают в газете, ловят, в последнее время им, как врагам священной общественной собственности, грозят чуть ли не расстрелами. Но без спекулянта Архангельск жить не может, город привык к нему, спекулянт его кормилец и поилец. На месте изъятых из обращения появляются другие. Сама обстановка вызывает их к жизни. На этот счёт не может быть никаких сомнений!..

Второй этап в архангельской торговле – аванс, укоренившийся без шума, но прочно. Товары из лавок стали выдавать лишь тем, кто внёс заблаговременно деньги на приобретение магазином этого товара. Таким путём стало возможным обзавестись в августе ботинками, если вы позаботились внести деньги в январе. Авансы вносятся на неопределённый срок, неизвестно, каков будет товар, например, мужская или дамская обувь, на каблуке или без каблука, неизвестно, какая будет расценка... Расчётливый архангелец, как только получит жалованье,

спешит в магазин занять очередь, чтобы внести аванс на рис или на овощи. В следующий месяц, смотря по потребности, вкусу и состоянию своих финансов, он вносит некоторую сумму на маргарин и на консервы. Потом записывается на пальто, на обувь, вносит аванс на горелки для примуса, вытряхивая последнюю десятку.

У архангельца деньги не ведутся: или он их пропивает, или отдаёт вперёд за товар государству. А спекулянт из авансовой системы торговли извлекает новую для себя выгоду: он вносит в 8, в 10 магазинах авансы за те товары, на которые установлен известный максимальный предел взноса, и сотни рублей на прочие товары. Потом товар спускается втридорога на рынке тем счастливым, которые при деньгах и успевают у него купить.

Торговля, с точки зрения западного человека, довольно-таки своеобразная, даже необычная. Кооперативная торговля, пай, в которую вносится сообразный с заработком, и в которой все граждане обязаны быть пайщиками, за исключением адмвысланных, превратилась в государственную и ничем от неё не отличается. Частных магазинов нет. Исключение только для некоторых часовщиков и парикмахерских.

Архангелец находит такой порядок вполне нормальным и даже удобным. Денег всё равно нет и не будет на руках. Или их не выдаёт кассир, ссылаясь на задержки в банке, или жалованье переведут в сберкассу, откуда по частям не так просто удаётся получить его, а часть денег давно уже расписана добровольно на разные займы «решающего» и другие. Этот процент удерживают.

Существует ещё один любопытнейший вид торговли в Архангельске – «Торгсин» (торговля с иностранцами). Так как приезжий иностранец, не приученный к здешним порядкам, не станет, пожалуй, стоять в очередях, воздержится покупать в кооперативах, где торгуют товарищи Марфы, для него устроен особый магазин. Здесь, не в пример другим лавкам, можно приобрести белую муку, которую архангельцам не дают и даже детям, прекрасное сливочное масло, которое туземцы не часто могут купить у спекулянтов, сахар в любом количестве, можно обзавестись костюмом, бельем, обувью и т. д. Но купить можно лишь на иностранную валюту или на русское золото и драгоценности.

Кому-то пришла блестящая счастливейшая мысль – позволить и туземцам покупать на золото в Торгсине. Оказывается, туземное население ещё далеко не привыкло стеснять себя в пище; оказывается, и здесь есть люди, которые не прочь съесть белую булку или время от времени намазать хлеб маслом, купить на приличные брюки полтора метра материи. Густо пошёл местный покупатель, понёс броши, цепочки, шпильки и золотые монеты...

Так государство приобретает ненужное, совершенно излишнее для населения золото. И туземец не в убытке: то, что съедено, не отнимешь.

Самое примечательное явление в жизни города и, в частности, в торговле – очереди. Без очереди нельзя себе представить Архангельска, как нельзя представить древних Афин без праздной толпы Акрополя. Очередь здесь – организованное, глубоко внедренное явление. Без них туземцу, особенно домохозяйке, жизнь казалась бы, вероятно, слишком пресной, лишённой подвига и самопожертвования. Только здесь можно поделиться и услышать всякие новости, и даже такие, о которых молчит пресса, здесь процветает сравнительная свобода слова, в очередях складывается так называемое общественное мнение этого круга.

Моя хозяйка нередко встаёт в 1 час ночи, чтобы занять очередь, другие занимают её с вечера. Часов в 5, в 6 утра хозяйку сменяет её дочь, затем в 8 часов опять становится хозяйка (дочь уходит на службу). Часам к двум, а иногда и позже, она, наконец, выстаивает два кило мяса или 500 граммов масла.

В очередях засыпают, другие читают книжки или коротают время разговорами и перебранкой.

Очереди накапливаются страшные, скандальные. В общем, благодушные милиционеры (они получают в лавках товар вне очереди) принуждены бывают иногда разгонять толпу или умерять пыл страстей. Но блюститель порядка не всегда поспекает. Очередь копится как-то сразу, будто по радио кто-нибудь сообщил городу, что здесь привезли чулки или арбузы. Очередь нарушается, крик, давка, кто-то жалуется, что кишки все выдавили, у кого-то стянули бумажник.

А к магазину подходят всё новые и новые люди, вылезают из трамваев, со словами:

«Кто последний? Я за вами».

Становятся в затылок и потом спрашивают:

«А чего дают?»

Оказывается, дают без аванса кедровые орехи. Так как орехи гнилые, о чём знают уже в очереди, а очередь большая, часть потихоньку ретируется, уходит на службу или в другой магазин, освобождая место новому притоку людей.

Некоторые с наметанным уже глазом хозяйки сразу узнают по характеру лиц, одежд, поведению, по утвари в руках – за чем очередь: за водкой, вареньем или за картофелем.

Чтобы очередь по возможности увеличить, боевой товар продают только в одном магазине. Это называют здесь специализацией торговли. Так, сыр, например, можно получить «свободно» (выстояв несколько часов в очереди) лишь в одной лавке, тетрадку школьник может купить тоже лишь в определённой лавке свободно по предъявлению документа.

Лишь в очередях познаётся человеческий характер, выносливость человека и его долготерпение.

Очередь не только в магазинах и у магазинов, она всюду. В очередь игра-

ют детки на детских площадках, в очередях тренируется у кино юношество, очереди в парикмахерских, в банях, в столовых, у железнодорожных и пароходных касс. Всюду жизнь! Грандиозна очередь за вином. Трудно что-нибудь сравнить с очередями за получением хлебных карточек.

Чтобы не было злоупотреблений при получении права на хлеб, необходимо предъявить заверенную домоуправлением домовую книгу, удостоверение личности, справку о работе или расчётную книжку, страховой листок. Хлеб жедают кушать в Архангельске все каждый день. Право на получение хлеба выдаётся на целый месяц. Так вот: раз в месяц представители различных учреждений и домохозяйки выстраиваются в очереди с домовыми книгами, с листками служащих учреждений, с кипами документов. Отдельно в особую очередь получают адмвысланные. Так как выдача производится в служебные часы и не всякое учреждение выправляет карточки служащим, так как служащие хлебопункта не сильно грамотны, не совсем быстро ориентируются в справках и удостоверениях, создаётся убийственная очередь. Вне очереди получают лица с портфелями и дамы с грудными младенцами. Находчивый народ при всех обстоятельствах сумеет вывернуться. Чтобы подойти к заветному окошечку, где выдают талоны, туземные дамы, сильные и выносливые «жёнки» берут себе на руки таких младенцев, которых не всякий взрослый мужчина легко поднимет. Бездетные на некоторое время «на подержание» берут детей у многосемейных.

Но самые потрясающие очереди можно видеть на регистрации ссыльных «на тринадцатом» (комендатура ЛП на Набережной ул., д. 17). Здесь, как тени из ада Данте, стоят, сидят и бродят по двору, вновь встают в очередь – в дождь и в непогоду – представители различных национальностей СССР, люди, не выдержавшие экзамена на социалистическую зрелость. Здесь у всякого своя скорбная повесть. Но и здесь вне очереди получают отметку о своей явке на документе высланные врачи, инженеры, техники и вообще люди, одетые получше и с портфелями.

Никому, должно быть, не приходит в голову – сколько же в очередях теряет рабочих часов этот город очередей.

Вместо послесловия

Вряд ли можно написать лучше о мерзости советской жизни, чем сделал это В. И. Смирнов на примере города Архангельска...

Ещё более важны для истории его письма.

22 мая 1931 г. на этапе из Иваново в Архангельск В. И. Смирнов записал:

«Идёт сзади Н. Н. Кузнецов^{*}, тов. председателя об-ва Мироведения в Ленинграде. Он рассказал мне о Д. О. Святском^{}, Казицине^{***} и Райкове.^{****} Первый получил по «Мироведению» 3 года Кеми, по краеведению, вероятно, ещё добавят. Райков – 10 лет Кеми и конфискация имущества. Н. Н. не знает о судьбе других краеведов и, между прочим, о судьбе А. А. Спицына^{*****}».**

С момента первой публикации «Города Архангельска» прошло 20 лет. Надо повторить...

1 августа 2012
Архангельск
Юрий Дойков

* Кузнецов Николай Николаевич – в 1923 г. член Петроградской Вольной философской ассоциации (Вольфилы). Казначей РОЛМ (Русское общество любителей мироведения) в 1927 г.

**Святский Даниил Осипович (1881–1929.01.1940, Актюбинск) – историк, астроном, метеоролог. В 1930–32 гг., 1935–40 – в лагерях и ссылках. Умер накануне очередной высылки.

***Казицин Владимир Алексеевич – учёный секретарь РОЛМ. Арестован в конце 1930 г. Беломорканал. Ссылка в Саратов.

****Райков Борис Евгеньевич (1880, Москва – 1966, Ленинград) – историк. Арестован 1 июня 1930. В 1931–34 гг. з/к на Беломорканале. В 1934–40 гг. в Медвежьегорске. В 1941–45 гг. в Архангельске в эвакуации.

*****Спицын Александр Андреевич (1858, Яранск Вятской губ. – 17.09.1931, Ленинград) – археолог. Сотрудник госакадемии материальной культуры (ГАИМК).

Приложения

Письма В. И. Смирнова к М. И. Смирнову*

№ 1

от 2 июня 1939 г.

Милый Миша!

Спасибо за присылку галош. Очень кстати: здесь дожди и ветры, деревья стоят ещё голые. Вообще весна в этом году неприветливая.

Сейчас в трамвае я был потрясён такой картиной:

Против меня села какая-то пожилая дама, небогато, неприлично одетая – в шляпе и при косынке. Села она с мальчиком лет 11, совершенно рваным, босым, без фуражки. Впечатление "гопника". Ежеминутно мальчик засыпает. Моя соседка спрашивает даму:

– Что с мальчиком?

– Да он стоял ночь за рыбой, а теперь везу в милицию – деньги у меня украл, 9 рублей.

– Он ваш родственник?

– Внук мой. Утром его сменила сестра, я ушла на базар, а он вместо того, чтобы лечь спать, украл у меня деньги и убежал. В милиции, может быть, узнают, кому он отдал деньги.

Ты подумай, – бабушка, заставляющая ночь простоять в очереди, вероятно, голодного мальчишку, везёт внука в милицию. Детям надо бы готовиться к испытаниям, а они стоят в очередях.

Недавно, проходя мимо очереди за рыбой в 4000 человек, я обратил внимание на то, что, по крайней мере, в очереди стоит 30–40 % в возрасте учащихся.

Зубной порошок у нас появился, но подсолнечное масло и гречневая крупа, сапожная мазь, а также горох исчезли. О сливочном масле говорить не приходится. Молоко 2 руб.50 коп. литр. Становится трудновато.

3 июня.

Письмо вчера не успел дописать. За это время случились следующие события. Получил от тебя письмо, получили в фотографии карточки Тани, выстоял, заняв очередь 836-м, два килограмма селёдок.

За твоими письмами экспедиция поехала. Дал денег и получил твёрдое уверение, что пимы привезут.

* Смирнов Михаил Иванович (1868–1949). Старший брат В. И. Смирнова. Историк. Основатель и директор Переславского краеведческого историко-художественного музея (1919–1930). В 1930 году арестован и сослан в Нарым.

№ 2
от 5 августа 1940 г.

Милый Миша!

В Каргополе не мог удостоиться написать тебе, хотя часто думал об этом и вспоминая тебя. Насмотрелся я теперь на провинцию Северного края досыта. И вместо отдыха во время отпуска измотался с раскопками и Лидию Сергеевну измучил. Может быть, уже и не к годам широкие предприятия. Но начну сначала.

По дороге в Каргополь осмотрел город Няндому, известный своим домом культуры и баней. В доме культуры половина стёкол выбита и все балясины на балконах выломлены, а в бане три года не моются, потому что она заселена жильцам.

Каргополь – хороший, красивый город, с широкими улицами, с садами из столетних берёз, лип, лиственниц. А главное – с многочисленными древними храмами. Когда-то и притом недавно здесь было 36 церквей. Остались только те, которые охраняет Главнаука, которые, следовательно, никто не охраняет. Два собора, построенные при Грозном, нарядные, как игрушки, разваливаются, стекла выбиты, живут голуби, паперти превращены в уборные. Два собора и несколько церквей 17 в. В одной помещается музей, в другой – архив. Стёкла все равно выбиты. Сохранились земляные валы средневековой крепости, в которых ловко приспособили овощехранилища.

Вероятно здесь и жил Даниил Заточник, а также и Болотников, которого потом утопили в Онеге. А озеро Лача имеет 35 км длины и 13 км ширины. Ходят и пароходы, моторки, рыбацкие лодки. Весь город ловит рыбу, т. к. её много, а другого ничего нет.

В продовольственных магазинах только перец (здесь сейчас только сода и два сорта кофе). На базаре можно купить на хлеб или табак, яйца и молоко. Но так как хлеба и табаку у обитателей нет, закупить молоко или яйца – дело непростое. Много ягод – земляники, морошки, черники, голубики, по 1 р. стакан. Грибы, которыми славится Каргополь, при мне ещё не начинали родиться.

В музее, который собрал один антиквар-торговец, много интересных коллекций, но все преподнесены весьма убого. Заведует музеем партийный работник, потерявший на охоте ногу, которого и послали сюда на кормление. Но человек он приличный, а главное – хороший рыбак, что для нашей экспедиции имело существенное значение.

Архив громадный и, должно быть, интересный. Заведует им одна из домохозяйек, умеющая подписываться и получающая за это 125 руб. в месяц.

4 завода, обрабатывающие всю белку России, в том числе и сибирскую, за-

крыты. Но Карлаг,* помещающийся в монастыре, основанном Иоанном Волосатым, организовал лесозавод.

В настоящее время край усиленно заселяется поляками.

Видел я несколько деревень. Примерно 20 % домов заколочено.

В полях много васильков, церквочка, восьмериком рубленная, с шатровой колокольней 17 в. являет печальную картину. Внутри резные колокольни в два охвата из одного дерева, на полу иконы – квадратные спасы с печальными глазами, новгородского письма и пр.

Копали мы без простоев и с остервенением, ел гнус, пекло солнце, и накопали четверть (*слово неразборчиво – Ю. Д.*) много костных предметов, два погребения (*слово неразборчиво – Ю. Д.*) литических. Замечательный сосуд, украшенный лебедями и т. д. С нами был один комсомолец, которого прикомандировали не знаю зачем. Отличник, сын художника, парень 17 лет. Так вот, если такие отличники, что же другие рядовые-учащиеся из себя представляют. Это не беда, что он сморкался, приставив прямо к носу палец за обедом, не беда, что, чтобы ему не поручил сделать, обязательно не сделает – забудет или перепутает. А беда случилась другая – он совсем было утонул у меня на глазах. Дело было так. Ветер отогнал от берега нашу лодку. Тут далеко мель. Говорю: ну-ка, кто-нибудь сбегайте, вытащите лодку. Он бросился, сломя голову, а я спокойно занялся своим делом, зная, что тут мелко, а он хвастался своим умением плавать. Взглянул на реку, вижу, он не торопясь раздевается, а лодка отплыла уже подалее. Потом пошёл по бережку в другую сторону, очевидно, рассчитывая, что лодку погонит ветер в другую сторону. А лодка пошла по течению в противоположном направлении. Плывёт, а расстояние между лодкой и им увеличивается. Бросился я сам в воду, кричу:

«Воротись!»

Плывёт. Слышу вой:

«Тону!»

Можете себе представить, что я пережил в этот момент. Поплыл к нему, не вижу в волнах его головы. К счастью крик услышал удивший рыбу какой-то гражданин, вытащил его. Ведь я легко бы заработал за этого комсомольца пятилетку. Вот какие бывают случаи.

В Каргополе мы покушали досыта рыбки. Зав. музеем, пока мы копаем, каждый раз, когда приезжал, натаскивал на уху окуней и щук. С остальными продуктами было слабо, а главное – не было овощей, даже картофеля в Каргополе нет ни одной картофелины. Свежий ещё только начинал цвести. Поэтому Лидии Сергеевне приходилось туго. Вообще её здоровье неважно. Не знаю, как она сможет осилить предстоящий учебный год.

* Каргопольлаг

Я ещё в отпуске и собираюсь завтра за грибами. На базаре десяток красивых стоит семь рублей. Поэтому поход в леса имеет свой резон помимо удовольствия общения с природой.

Пока я был в Каргополе и пока шёл ответ на мой вопрос относительно номера туфель Натальи Викторовны, ненецкие туфли с горизонта исчезли. Придётся подождать.

Мечтаю о продовольственной поездке в Москву, так как запасы сахара на исходе, пшено ещё есть.

Будьте здоровы и благополучны.

№ 3
от 4 сентября 1940 г.

Милый Миша!

Жить становится всё труднее. Вчера в буфете нашего треста выдавали нам на завтрак по половине маленькой французской булочки за 33 коп., из муки далеко ни первосортной. Надо было видеть, с каким аппетитом ела этот мой паёк Танечка. Сегодня бабушка опоздала (в 5 ч. утра уже поздно) встать в очередь за хлебом. Неизвестно, удастся ли выстоять вечером. Я занял уже очередь (408-м) и время от времени навещаюсь: выстоять непрерывно несколько часов – дело непростое. Зато могу похвастать – утром купил 14 килограмм картофеля по 3 руб., всего на 42 рубля. Это не больше меры.

Как задумаешься – что же это за жизнь, когда буханка хлеба или мера картофеля делают человека гордым и счастливым? Только во имя буханки стоит ли жить?

И такая картина всюду, а местами хуже.

Ты как-то писал, что хорошо употреблять кубики или консервированные суп, горох и т. п. Так беда-то в том, что ничего этого много месяцев уже нету.

Но все мы как-то живём и даже не голодаем. Покупаем свинину по 3 руб. килограмм, молоко по 5 р. литр, овощи.

Нет спичек, мыла, о табаке и водочке, хотя бы какой-нибудь, говорить не приходится. Сестра Л. С., Нюта, хотела послать посылку. Ездила из Москвы нарочно в Серпухов. Но и там не принимают. В первых числах апреля обещала сюда Настя: значит, немного подвезёт.

Хвораю часто. Болят ноги. А на днях такие боли в пищевode, что по-видимому в карете скорой помощи в больницу. Полагали, что отравленка. Промыли желудок, а через час опять боли. Знакомый врач говорит, что, по-видимому, камни ворочаются в печени. Надо бы просветить печень.

Но здесь нет таких приспособлений. Поехать в Москву пока нет возможности. Да и что получишь в Москве? Нужна такая протекция, чтоб попасть к хо-

рошему врачу. А здесь прямо боюсь – угробят. Хочется приучить себя к мысли, что скоро (или, во всяком случае, не так уж долго) придёт донец. И, с этой точки зрения, хочется построить остаток жизни, хочется не размениваться на пустяки, успеть сделать, что поважнее и понужнее. И к людям хочется относиться иначе.

Будет. Опасаюсь, что наведу тебя на грустные размышления. Между тем, несмотря на превратности судьбы, на хворь и лишения, я не теряю ни духа, ни настроения. С интересом прочёл один том мемуаров Ллойд-Джорджа – V-й. С отвращением прочёл один том Маяковского. И этого поэта должны изучать ученики 7-го класса. И нескладно, и неостроумно, и грубо.

Желаю вам доброго здоровья. Все домочадцы присоединяют свои пожелания и приветы.

Именной указатель

Амалицкая А. П. – 24

Андреев Александр Игнатьевич – 9

Ашамалов (ветрабочник) – 29

Бартенов Виктор Викторович – 3

Беляев Вадим – 8

Болотников (предводитель восстания) – 42

Бурханов (сотрудник хозчасти Краймилиции) – 25

Бялыницкий-Бируля А. А. – 3

Виноградов Павлин – 17, 19, 30

Войно-Ясенецкий В. Ф. – 3

Володарский В. – 17

Волосатый Иоанн – см. Иоанн Волосатый

Герберштейн (голландский посол) – 30

Грозный Иоанн Васильевич – см. Иван IV Грозный

Даниил Заточник – 42

Данте [Алигьери] – 39

Дойков Юрий – 12

Золотарев А. А. – 3

Зубакин Борис – 3

Иван IV Грозный – 30, 42

Иоанн Волосатый – 43

Казаринов Леонид Николаевич – 7

Казицин Владимир Алексеевич – 40

Карманов (гармонист) – 23

Китицына Лидия Сергеевна (жена В. И. Смирнова) – 3, 5, 6, 9, 11, 42, 43

Китицына Л. С. – см. Китицына Лидия Сергеевна

Кокорин А. – 22

Комелова Анна Сергеевна – 3

Кузнецов Николай Николаевич – 40

Левачев [Никифор Васильевич] – 23

Лидия Сергеевна – см. Китицына Лидия Сергеевна

Ллойд-Джордж [Дэвид] – 45
Ломоносов [Михаил Васильевич] – 9, 19, 20
Л. С. – 44; см. Кितिцына Лидия Сергеевна
Люксембург Роза – 17

Мандельштам Осип – 12
Мария Фёдоровна (жена Д. О. Святского) – 7
Маркс К. – 17
Марселис Пётр – 20
Мартос П. И. – 20
Марфа [торговка] – 37
Маяковский [Владимир Владимирович] – 45
Миша – 8, 9, 41, 42, 44; см. также Смирнов Михаил Иванович
Молотов [Вячеслав Михайлович] – 27

Настя – 44
Наталья Викторовна (жена Смирнова М. И.) – 5, 44
Немировский Александр Иосифович – 3
Н. Н. – см. Кузнецов Николай Николаевич
Нюта (сестра Л[идии] С[ергеевны]) – 44

Пахтусов [Пётр Кузьмич] – 21, 22
Пётр I – 20
Поповский Марк – 3
Пришибеевы, унтеры – 10
Прокопьев Юрий Павлович – 3

Райков Борис Евгеньевич – 40

Святский Даниил Осипович – 7, 40
Сидоров (рабочий-изобретатель) – 29
Смирнов Василий Иванович – 3–7, 9–13, 40, 41
Смирнов В. И. – см. Смирнов Василий Иванович
Смирнов М. И. – 5, 11, 41
Смирнов Михаил Иванович – см. Смирнов М. И.
Смирнова Т. В. – 11
Соболев Владимир Семёнович – 11
Соболев В. С. – см. Соболев Владимир Семёнович
Солженицын А. И. – 4
Спицын Александр Андреевич – 40
Суханов (Гиммер) Николай Николаевич – 3

Танечка (дочь В. И. Смирнова) – 6, 41, 44
Трапезников Владимир Николаевич – 3

Угрюмов А. П. – 9
Умняков Иван Иванович – 3

Чумбаров-Лучинский Ф. С. – 17

Шумский И. В. – 5

Энгельс Ф. – 17, 18

Ю. Д. – 6, 7, 43; см. также Дойков Юрий

Яхлаков Ал. (сотрудник газеты «Правда Севера») – 28

Географический указатель

- Актюбинск**, город (Казахстан) – 7
Архангельск, город – 3–6, 10–22, 24–26, 28, 29, 36, 38–40
Архангельская область – 19
Афины, город – 38
- Бакарица**, [селение, г. Архангельск] – 3, 32
Белое море – 24
Беломорканал [Беломорско-Балтийский канал] – 40
Большая Брембола, [село] – 4
Бык, [селение, г. Архангельск] – 24
- Владимирская губерния** – 4
Волга, река – 33
Вологда, город – 9, 26
Воронеж, город – 12
Вятская губерния – 40
- Двина**, река – см. Северная Двина
Дон, река – 33
- Иваново**, город – 40
Исакогорка, посёлок (г. Архангельск) – 3, 24
- Караганда**, город – 5
Каргополь, город – 42–44
Кегостров (г. Архангельск) – 22, 24, 28
Кемь, город – 40
Кичменгско-Городецкий район (Вологодская область) – 7
Костромская область – 5, 11
Кузнечиха, река (рукав Северной Двины) – 22, 24
- Лача**, озеро – 42
Ледовитый океан – 24
Ленинград, город – 3, 8, 9, 20, 40
- Маймакса** (район г. Архангельска) – 22, 24
Медвежьегорск, город – 40
Москва, город – 3, 40, 44

Нарым, город – 41
Няндом, город – 42

Онега, река – 42

Переславль-Залесский уезд – 4
Петкурья, река (Соломбальский р-он г. Архангельска) – 23
Печора, река – 24
Пяндская запань (Архангельская губ.) – 27, 32

Россия – 4, 12, 42

Санкт-Петербург, город – 11
Саратов, город – 40
Север – 3, 10, 19, 33
Северная Двина, река – 14, 17, 19, 20, 22, 26
Северный край – 7, 42
Сергиев-Посад, город – 11
Серпухов, город – 44
Солигаличский [район] (Костромская область) – 5
Соловки, остров – 21
Соломбала (район г. Архангельска) – 3, 21–24, 26
Сольвычегодск, город – 10, 26
СССР – 12, 14, 21, 39

Цигломень, посёлок (г. Архангельск) – 22, 24, 29

Чухлома, город (Костромская область) – 7

Яранск, город – 40
Ярославская область – 11

* * *

Нью-Йорк, город – 12

Париж, город – 3

Рим, город – 25

Финляндия – 7, 8

Содержание

«Город Архангельск...» В. И. Смирнова (к 20-летию первой публикации).....	3
Смирнов В. И. Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия» (из записок иностранца)	13
I. Первые впечатления.....	14
II Архангельский пейзаж.....	17
III Памятники.....	20
IV Пригороды.....	22
V Жилище и клопы.....	24
VI Чем питаются и как пьют жители.....	29
VII Торговля и очереди.....	34
Вместо послесловия.....	40
Приложения:	
Письма В. И. Смирнова к М. И. Смирнову	
№ 1 от 2 июня 1939 г.	41
№ 2 от 5 августа 1940 г.	42
№ 3 от 4 сентября 1940 г.	44
Именной указатель.....	46
Географический указатель.....	49

Василий Смирнов

**Город Архангельск
в начале 30-х годов XX столетия**

(Из записок ссыльного краеведа)

Второе издание

Тираж 2 экз.

Печать «Центр документации»:

Пр. Троицкий, 52, оф. 200.

Тел. 8(8182)21-51-85

Факс 8(8182)65-12-38

doikov.livejournal.com.ru
E-mail: ydoikov@yahoo.com
www.doykov.1mcg.ru
д. т. 8(8182)266-897